

ОЛЬГА ВОЛОДАРСКАЯ

НИКАКИХ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

НАЙДИ МЕНЯ
ПОД ОБЛАКАМИ

Ольга Геннадьевна Володарская
Найди меня под облаками
Серия «Никаких запретных тем.
Остросюжетная проза О. Володарской»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69399310
ISBN 978-5-04-189026-1

Аннотация

Она не знала, от кого бежит...

Однажды почувствовав за собой слежку, Таня Мазаева не смогла отделаться от страха и не догадывалась, чье пристальное внимание привлекла. Она не сногшибательна, не богата, не родовита, в ее прошлом нет тайн... Кроме одной.

Два года назад, когда они дружной семьей отдыхали на Шри-Ланке, пропала без вести дочь. Ее искали, но как говорили местные, девочку забрал океан. Муж и сын поверили в это и смирились, а Таня упрямо повторяла: «Моя девочка жива!»

Она не знала, как себя защитить от таинственного незнакомца, и решила бежать куда глаза глядят. Купив билет на первый вылетающий из страны самолет, попала в Турцию. Там выдохнула, расслабилась... И неожиданно для себя влюбилась! Новые отношения так поглотили Таню, что она забыла о своем преследователе. Как оказалось, зря...

Остросюжетные романы Ольги Володарской уникальны – только в них наряду с захватывающей детективной интригой читатель найдет отражение самых спорных и запретных тем современной жизни. Ольга Володарская не боится правды и пишет так ярко, что ее книги читаются на одном дыхании!

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	48
Глава 4	56
Глава 5	65
Часть вторая	73
Глава 1	73
Глава 2	86
Глава 3	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ольга Володарская

Найди меня под облаками

Редактор серии А. Антонова

Оформление серии С. Курбатова

© Володарская О., 2023

* * *

Часть первая

Глава 1

Она сидела на балконе отеля, бронированного перед самым вылетом. Выбирать, изучая рейтинги, читая отзывы, отмечая удаленность от пляжа, времени не было. Главное знать, куда, как в народе говорится, бросить кости по прилете, и обозначить адрес таксисту. И Таня ткнула в страницу того отеля, что ей приглянулся визуально. Оплатив бронь, перевела телефон в авиарежим, поудобнее устроилась в кресле, закрыла глаза и мгновенно уснула. Ее разбудила стюардесса.

– Я есть не буду, спасибо, – сказала ей Таня.

– Обед вы проспали, – весело ответила ей та. – Самолет приземлился. Мы в Анталье.

Таня вскинулась, огляделась. В салоне ни одного пассажира. Только она, сидящая в хвосте у иллюминатора.

Пять часов проспала. Пристегнутая ремнем безопасности, на неразложенном кресле. Вот это ничего себе! Раньше Таня в самолетах глаз сомкнуть не могла. И дискомфортно, и шумно, и немного страшно. В бизнесе могла подремать, выпив перед взлетом немного виски, но в лютом экономе, где разгоряченные алкоголем из дьюти-фри мужички, гром-

ко обсуждающие политику, их жены, спорящие о том, чей отель круче, орущие дети, вечно чем-то недовольные бабки... Нет, в экономе Таня никогда не засыпала. Да и летала им нечасто. Была возможность путешествовать с комфортом. Но сегодня она купила билет на первый вылетающий из Домодедова самолет. Им оказался чартер до Анталыи.

Таня быстро прошла паспортный контроль, нашла таксиста, договорилась с ним. Оказалось, ее отель находится в Алании. А это два с лишним часа езды. Таня была так вымотана, что вбила в поисковой строке сайта бронирования отелей не тот город.

– Да вы не печальтесь, – на хорошем русском сказал таксист. Он оказался азербайджанцем. – Это даже хорошо, что вы с городом ошиблись. В Алании теплее, и сезон там в самом разгаре, а тут уже к концу подходит.

– Ехать далеко, – вздохнула Таня. Ей очень хотелось принять душ, поесть супа и снова поспать, но уже в удобной кровати.

– Можем по пути заехать куда-нибудь. Покушать или искупаться. – И игриво сверкнул на нее черным глазом.

– Ой, нет. Чем быстрее приедем, тем лучше.

– Бывали уже в Турции?

– Нет, первый раз.

Странно для россиянки. Обычно все начинали свои заграничные путешествия с Турции или Египта. Реже с Таиланда или Кубы. Таня же дебютировала нестандартно: отправи-

лась на Лазурный Берег. А до этого только в Анапе отдыхала. И Ницца ей показалась похожей на этот российский курорт. Сервис лучше, естественно, пафоса больше в разы, а так ничего особенного. Большая курортная деревня с приставкой «лакшери».

– С вашего позволения я немного подремлю, – сказала Таня таксисту и вытянулась на сиденье.

Она думала, что просто сделает вид, что спит, дабы избежать последующих заигрываний, но к собственному удивлению снова отключилась.

– Приехали, – сообщил таксист, притормозив у высотного здания, расположенного в обычном жилом районе.

– Это мой отель? – Тот кинул. – А где же море?

– Недалеко. Минут десять-пятнадцать идти. Главное, не заблудиться.

Час от часу не легче! Топать больше километра по жаре... Еще и плутать! Не этого Тане хотелось. Но что теперь поделаешь?

При заселении оказалось, что отель работает по системе «все включено». Таню, которая почти не пила, а если и употребляла алкоголь, то только премиум-класса, а также не ела мяса, это не порадовало. Лучше бы при отеле был хороший ресторан а-ля карт. И все же она отправилась в столовую на ужин. И оказалось, именно ей, вегетарианке, было чем наесться. Тут и супчик чечевичный, и овощи разнообразные, свежие и на гриле, и булгур рассыпчатый, и дивный хлеб. А

еще арбузы, дыни, виноград! Таня слопала столько всего, что ее плоский живот надулся. Отдуваясь, она поднялась в номер. Он находился на восьмом этаже и состоял из двух комнат. Из гостиной был выход на огромный балкон. На нем – стол, стулья. Татьяна уселась на один, чтобы полюбоваться видом. А он открывался потрясающий! Слева гора с древней крепостью, впереди море хоть и далекое, но все равно манящее, справа мечеть с двумя минаретами, за ней те же горы, небо, опаленное закатным солнцем...

«Жаль, не купила в дюйти-фри мятного ликера», – подумала Таня. Она заходила туда за конфетами и водой. Продавец-консультант предложил ей приобрести алкоголь по акции. В том числе мятный ликер. Она отказалась, хотя он был качественным и стоил недорого. Но Таня в тот момент не могла думать о выпивке. А сейчас бы с радостью приняла стаканчик разведенного тоником ликера.

...В дверь постучали. Таня подпрыгнула от испуга. Кого там еще принесло?

«Горничную», – самой себе ответила она. Она просила у нее одеяло, поскольку даже летом укрывалась им, а ни в одном из шкафов не нашла хотя бы пледа.

– Нервы ни к черту, – тяжело вздохнула Таня, после чего пошла открывать дверь.

Спустя десять минут она покинула номер. Хотелось на море. Хотя бы посмотреть на него, побродить по кромке, а лучше искупаться. Вода, как известно, смывает весь негатив, а

его немало накопилось. Одна беда, у Тани не было купальника. Она прилетела с минимумом вещей, и они все поместились в сумку для спортзала. Там смена белья, джинсы, кофта, пара футболок, любимая пижама и фен. Только им Таня могла укладывать свои пушащиеся волосы. Собственно, кроме него, можно было не брать ничего. Все покупается на месте, когда при себе и валюта, и карта международного банка. Сейчас у Тани в кармане лежала сотня евро. Она поменяла купюру на ресепшене, получила взамен больше десятка других, турецких. Цен она не знала, но подозревала, что на них можно купить в обычной пляжной лавке купальник, полотенце, сланцы. Еще ей не помешала бы сумка. Не таскать же свою фирменную на пляж.

Таня дошла до главной улицы города – бульвара Ататюрка. На нем сплошные магазины. Витрины завалены товаром с логотипами известных люксовых брендов. Тут тебе и «Прада» и «Версаче». А главное, все по десять-двадцать евро.

– Девушка, заходи, посмотри! – бросился к ней продавец. Он был одет в псевдофирменные шмотки, которыми торговал, идеально причесан, побрит, но при этом не очень хорошо пах. Вспотел за день работы, понятно.

– Как вы поняли, что я русская? – удивилась Таня. В тех странах, где она бывала, ее принимали за скандинавку. Реже, немку. У нее суховатое лицо, прозрачные глаза, светлые волосы.

– Потому что ты красивая! А самые красивые...

Тут Таня поняла, что он увидел ее татуировку. Маленькую, в несколько слов, и они были написаны на русском. А комплименты – часть его работы. И какой бы нации ни была женщина, она становилась прекраснейшей представительницей своей страны.

– Мне нужен купальник. Есть у вас?

– Много-много! Хочешь «Гуччи», хочешь «Шанель»? – И указал на ряд манекенов в купальниках. Все они были одинаковыми, только логотипы на них менялись.

– А есть простые?

– Все есть!

И на самом деле нашлись и обычные купальники, без претензий на эксклюзивность. Таня выбрала простое черное бикини. К нему тунику в маках. Полотенце тоже нашла и сумку. Все делала самостоятельно. Продавец ей только мешал: он был слишком навязчив, нагл (пытался подглядывать за ней в примерочной) и запахом раздражал. Оставалось купить сланцы. Таня направилась в обувной отдел. Там перебирал коробки высокий широкоплечий брюнет в голубой рубашке с подвернутыми рукавами и бежевых шортах. На его руке были швейцарские часы. Не поддельные – настоящие, уж она разбиралась. И этот мужчина не вонял. Таня поняла, что перед ней хозяин магазина.

– У вас есть вот такие же сланцы, только черные? – обратилась она к нему, ткнув в понравившуюся пару. Брюнет посмотрел на Таню с недоумением. Та повторила свой вопрос

на английском.

– Девушка, я тут не работаю, – на чистейшем русском ответил ей брюнет.

– Извините, – пробормотала она и схватила белые сланцы. И такие сойдут.

На кассе выяснилось, что ста евро не хватает. С Тани требовали больше. Когда она сказала, что у нее только эта сумма, согласились пойти на уступки.

– Всему этому красная цена шестьдесят евро, – услышала она над ухом. – Торгуйтесь. Тут так принято.

Таня подняла глаза и увидела лицо того, кого она приняла за хозяина магазина.

– Я не умею.

– Это заметно. – Мужчина чуть подвинул ее, взял вещи, запихал их в новую сумку и сказал: – Тысяча лир.

Продавец начал, естественно, возмущаться. Уверял, что закупка у товара больше. И все же отдал его за предложенную сумму.

– Спасибо вам, – поблагодарила незнакомца Таня. Не то чтобы она очень нуждалась в деньгах, но приятно было осознавать, что торгаши ее не надурили.

Мужчина подмигнул Тане, пожелал ей приятного вечера и отправился по своим делам. Она же зашагала к пляжу.

Вода оказалась теплой. Таня бултыхалась в ней, повизгивая от радости. Разок даже нырнула с головой.

Из моря она выбралась уже после заката. Ополоснувшись

и переодевшись в сухое, Таня направилась к пляжному кафе. Оно было хорошо освещено, и она видела диванчики с подушками, симпатичные растения в кадках, барную стойку с красивыми бутылками. Благодаря черноволосому незнакомцу она сэкономила сорок евро и могла их потратить на сиделки в приглянувшемся заведении.

Зайдя туда, Таня осмотрелась. Решала, куда сесть. Хотелось разместиться с удобством, но чтобы и море было видно.

– Лучшее место здесь, – услышала она уже знакомый голос. Обернувшись на него, увидела брюнета в голубой рубашке. Он указывал на диванчик под пальмой. Сам он сидел рядом, на кресле, и пил кофе. – И удобно, и море видно. А еще никто не мельтешит. Присаживайтесь.

Татьяна так и сделала.

– Разрешите представиться, Иван.

– А я приняла вас за турка...

– Не вы одна. Но я русский. Родом из Коломны.

– Здесь живете или?..

– Или. Решил продлить лето, приехал на месяц в Аланию.

А вы?

– Тоже. – Не стала она откровенничать с незнакомцем. –

Я Таня из Москвы.

– Итак... Она звалась Татьяной. – Иван улыбнулся одними глазами. Серо-зелеными. В окружении густых темных ресниц они очень выразительно смотрелись. – Не перейти ли нам на ты? – Она согласно кивнула. – Я собираюсь заказать

рыбу на гриле. Будешь?

– Нет, я сыта. Поужинала в отеле. – О том, что она не ест не только мясо, но и рыбу, говорить не стала. – А кофе выпью с удовольствием.

– Ничего покрепче не желаешь?

– Бокал белого вина?

– Не советую. Тут подают местное, а оно не очень. Предлагаю коктейль на основе мятного ликера.

– Именно о нем я мечтала пару часов назад, – едва сдержала удивление Таня. Он что, мысли читает?

– Я, если что, экстрасенс, – сообщил Иван и подозвал официанта, чтобы сделать заказ.

– Ты серьезно?

– Более чем.

Лицо Ивана оставалось непроницаемым, и Таня готова была ему поверить. Она сталкивалась с людьми, обладающими паранормальными способностями. Не с шарлатанами, зарабатывающими на жизнь запудриванием мозгов, а с альтернативно одаренными личностями. Ее дочка была такой. С малых лет она видела то, что ото всех скрыто, чувствовала сверхтонко, могла снимать боль прикосновениями...

Но новый знакомец Тани оказался просто шутником. Он через несколько секунд расхохотался:

– Да я прикалываюсь!

Татьяна натянуто улыбнулась.

– А ты что, веришь в экстрасенсов?

Она пожала плечами.

– По профессии я инженер-проектировщик. Пять лет назад смог разработать передовую систему вентиляции подвальных помещений и запатентовать ее. Так что на сегодняшний момент я бездельник.

– Богач, ты хотел сказать?

– Нет, это не те деньги, на которые покупают яхты и самолеты. Но на квартиру и приличную машину я заработал.

– И еще на часы. – Она указала на его «Вашерон».

– Это подарок жены... – Иван проследил за лицом Тани. Ждал реакции. Но она умела скрывать разочарование. – Бывшей, – добавил-таки Иван. – Мы развелись три года назад.

– Отношения не выдержали испытания деньгами?

– Да. Супруга была успешнее меня, и ей это нравилось. Когда я чего-то добился, ей стало со мной неинтересно.

– Есть дети?

– Сын. У нас отличные отношения. Сюда мы вместе прилетели, но ему пришлось через неделю вернуться в Москву – учеба. А у тебя что с личной жизнью?

– Тоже в разводе. И сын сесть. Он с папой живет.

– Сам так решил? – Таня кивнула. – Он у тебя вундеркинд?

– Нет, обычный мальчик, а почему ты?..

– Тебе больше двадцати пяти не дашь, и значит, твоему сыну года три-четыре.

– Ему двенадцать, – улыбнулась она. – А мне тридцать.

К их столику вернулся официант, но уже с подносом. На нем два коктейля в пузатых бокалах с зонтиками, кофе и вода.

Иван с Татьяной чокнулись и выпили за знакомство.

– Как купальник? Не развалился после первого заплыва?

– Цел, – улыбнулась она. Коктейль оказался очень вкусным, алкоголь в нем не чувствовался, поэтому Таня зараз выпила половину стакана. – У тебя тут квартира?

– В аренде. Думаю, купить недвижимость в Турции, но пока не определился с городом.

– Между какими выбор?

– Алания, Бодрум и Стамбул. – Он метнул взгляд в сторону кухни. Проголодался, бедняга. Такие богатыри, как он, поесть любят. – Ты бы на каком городе остановилась?

– Я в Турции впервые, и даже Аланию еще не видела. Разве что с балкона.

– Это надо исправить.

– Точно.

– Поднимемся завтра на крепость?

– Мне бы очень хотелось. Как я поняла, до нее на фуникулере добираются?

– В том числе. Высоты не боишься?

Она ответила отрицательно. Замкнутые пространства ее пугали. Пещеры особенно. А высота манила. Когда Таня с бывшим мужем отдыхала в Дубае, то на смотровую площад-

ку Бурдж-Халифа поднималась трижды. А это полкилометра над землей.

Ване принесли рыбу. К ней в качестве комплимента от заведения оливки, овощи, какие-то соусы. Но главное – только что испеченный хлеб. Он походил на надувную подушку. Был положен на деревянную доску, а пах просто фантастически.

– Это экмек, – сообщил Иван и воткнул в «подушку» вилку. Воздух тут же вышел из нее. – Тесто пресное, потому что остальная пища приправлена множеством специй. Например, вот эта закуска, – он зачерпнул массу, похожую на аджику, – называется эзме. Попробуй ее с эммеком.

Таня так и сделала.

– Вкусно, – сказала она, прожевав. И только тут заметила, что им принесли еще по коктейлю.

Правила одного бокала Татьяна придерживалась на протяжении всей сознательной жизни. Могла взять второй, но лишь пригубить его. Она ни разу не напивалась. Но, может, пришло время, когда стоит сделать это? Нет, не надраться, а хорошенько накатить, чтобы захмелеть и натворить глупостей...

– Что, слишком остро? – услышала она голос Ивана.

– Нет, нормально. А что?

– Ты покраснела.

– От срамных мыслей, – могла бы просветить его Таня. В своем воображении она уже обжималась с Ваней под раски-

дистой пальмой. Он очень ее привлекал. Большой, борода-
тый, белозубый, Иван олицетворял мужественность.

– Захмелела? – Пришлось кивнуть. – А мне надо этих кок-
тейлей цистерну выпить, чтоб хоть какого-то эффекта до-
биться. Организм к алкоголю стоек, поэтому я ни разу не был
пьян в дрова, и после гулянок друзей по домам растаскиваю.

– Они алкаши?

– Нет, обычные мужики, которым иногда нужно выпу-
стить пар.

Они долго еще болтали, до закрытия кафе, потом Иван
пошел Таню провожать.

У крыльца отеля они простились, обменялись номерами
и договорились встретиться завтра на этом же месте. Таня,
перед тем как взойти на первую ступеньку, замешкалась. Ей
хотелось, чтоб Иван поцеловал ее, не смачно, в засос, а лег-
ко коснувшись щеки. Они все же только познакомились, и
обжиматься под пальмами и лобзаться на крыльце, это пере-
бор! А невинный чмок вполне уместен. Но Ваня лишь сжал
ее руку. Пришлось уходить с легким чувством разочарова-
ния.

Она развелась девять месяцев назад. И за это время у нее
не было ни одного мужчины. Не потому, что она строила
из себя недотрогу или стеснялась своей неопытности (она
не изменяла мужу, а с ним они сексом занимались неча-
сто), просто Тане никто не нравился. Иван же произвел та-
кое сильное впечатление, что она в свои тридцать трепетала

как школьница.

Чтобы избавиться от срамных мыслей, Таня встала под холодный душ, после чего забралась в кровать и снова уснула.

* * *

Она вышла замуж в день своего восемнадцатилетия. И тому была причина – Таня ждала ребенка.

С его отцом, Виктором Мазаевым, она познакомилась, учась на первом курсе института. Только начала свой студенческий путь, немного освоилась, влилась в компанию сокурсников и отправилась с новоиспеченными подружками отмечать это дело в кафе. Завалились по незнанию в какое-то дорогое. По счету расплатиться не смогли. Их выручил Витя. Оплатил счет, после чего позвал Таню на прогулку на катере по Москве-реке. Она отказалась, но телефон спасителю оставила.

Он позвонил уже на следующий день. И повел Таню в «Макдоналдс», чтоб не смущать. Она понимала, что он старше. А он... Нет! То есть Витя не догадывался о том, что Таня малолетка. Думал, курсе на третьем учится, и ей двадцать. Ему тридцать один, но это не страшно. У них быстро закрутилось. Он умел красиво ухаживать, а она была неопытна. То, что ему досталась девственница, удивило, но на размышления не натолкнуло.

Таня забеременела после первой же проведенной вместе

ночи. Второй, максимум. Они тогда на ноябрьские праздники уехали за город, и сексом занимались постоянно. В Москву Таня вернулась уже «заикренной». Так дед-хохмач беременных называл. Спустя месяц между любовниками состоялся серьезный разговор.

– Витя, я жду ребенка, – сообщила Мазаеву Таня.

– Как? Я же в тебя не... Эякулировал, – корректно заметил он слово «спускал».

– Значит, поздно вытащил, – со знанием дела парировала она. Подружки просветили. Третью прошла через это же. Но все сделали аборт, а Таня не хотела. Боялась остаться бесплодной. – Я намерена рожать.

– Не рановато?

– Уж как получилось...

– Хорошо, я поддержу твое решение, хотя, мне кажется, оно ребяческое. Ты как доучиваться собираешься?

– Да я только начала. Еще ни одной сессии не сдала.

– Как так?

– Я первокурсница, Витя! – призналась Таня. Она не обманывала его до этого, просто не говорила правды. А он и не настаивал. Витя любил поговорить о себе, а Танюшка не мешала.

– И сколько тебе лет? – сипло спросил Витя. Он боялся ответа, который получил.

– Семнадцать. – Он пусть едва слышно, но все же охнул. Таня поспешила Витю успокоить: – Но я уже через полто-

ра месяца стану совершеннолетней, и мы поженимся... Если ты, конечно, согласен взять меня в жены.

– Конечно, да, – горячо заверил ее Виктор. Неприятностей с беременной малолеткой ему еще не хватало!

Он сделал все честь по чести: устроил романтическое предложение руки и сердца, оплатил торжество, свозил в свадебное путешествие. Виктор не любил Таню и планировал с ней развестись, но она оказалась примерной женой и отличной матерью... двойняшек! Родились мальчик и девочка, очень похожие внешне, но разные по характеру. Тане ближе была дочка Ангелина, нежная, веселая, чувствительная девочка, умеющая рисовать, танцевать, прекрасно петь. Она устраивала концерты для родителей и гостей дома уже в два с половиной года, и все говорили – артисткой станет. Брат же ее был серьезным, сосредоточенным лишь на конструкторах. Любил одиночество, потому что мама с сестрой мешали ему собирать из «Лего» замки или роботов. Мать донимала своей заботой, сестра наводила бардак. В этом дети тоже были разными. Ангелина разбрасывала вещи, вечно что-то теряла, могла забыть покормить рыбок, а Марк сам застилал кровать, складывал игрушки, следил за тем, чтоб гуппи не подохли (а их завели по просьбе Гели). Его никто не заставлял и даже не учил, мальчик сам к этому пришел. Папа хвалил сына за это, а дочку поругивал за разгильдяйство. Заодно и жену, не приучающую девочку к порядку. А Таня принимала ее такой, как есть. И любила безмерно.

Когда выяснилось, что у Ангелины некие особые способности, мать всячески ее поддерживала. Считала, их надо развивать. Виктор с Марком только фыркали и закатывали глаза. Хорошо на смех не поднимали. Детям тогда было уже по восемь, они учились в школах... Разных! Марк с уклоном в точные науки, Ангелина – в гуманитарные. Сын участвовал в математических олимпиадах, дочь в театральных постановках, концертах, выставках. В школы их возила Таня, как и на кружки. Пока ребяташки занимались, приводила в порядок дом (чужаков в нем Витя не любил, так что никаких клининговых служб), готовила, занималась обеспечением детей и мужа нужным, то есть вкалывала домохозяйкой на полную ставку, поэтому ни на учебу, ни на хоть какую-то работу, пусть и для души, времени не было. Она, конечно, старалась заниматься самообразованием, читала, смотрела документалки, осваивала английский и испанский, но ей самой казалось это недостаточным. Не дура – и только.

Виктор же посвящал себя бизнесу. В нем он многого добился, поэтому его семья ни в чем не нуждалась. Прекрасный дом, лучшие школы и кружки для детей, три машины (одна для баловства, «ретрокадиллак»), отдых на лучших курортах. Когда близнецам исполнилось десять, Виктор решил вывезти семью на Шри-Ланку. Марк захотел освоить серфинг, и отец не смог ему отказать. Татьяна была против. Курорт еще был закрыт для туристов после пандемии, лететь с пересадками, многие отели не работали, еще и риск зара-

зиться ковидом оставался. Не лучше ли выбрать другое направление? Да хоть бы уже изведанный Дубай. Там в крытых бассейнах такую волну создают – не хуже океанской. Ангелина тоже не хотела на Шри-Ланку. Но не по этим причинам. У нее было дурное предчувствие. Девочка даже попыталась притвориться больной, чтобы ее не брали с собой, а оставили с бабушкой. Но Виктор уперся. И естественно, вышло по его.

Они летели бизнес-классом и все равно устали. Поселились на вилле. Там было много живности, но именно она немного успокоила Ангелину. Девочка возилась с паучками, тараканами, бабочками. Она их не боялась. Даже змеи у Гели не вызывали ужаса. И агрессивные собаки. Как-то, еще в Москве, на них кинулась одна крупная дворняга с пеной у рта. Таня выгружала из багажника покупки, не успела вовремя среагировать, и с ужасом наблюдала за тем, как ее дочь берет псину за голову и начинает почесывать за ушами. Зверюга тут же угомонилась, опустилась на брюхо и начала мести хвостом. Ангелина настояла на том, чтобы мама отвезла ее к ветеринару. У собаки оказался клещ. Ее вылечили и пристроили в добрые руки.

Пока девочки ловили бабочек и барахтались в бассейне, мальчики под чутким руководством инструктора осваивали серфинг. Ужинали в бухте морепродуктами. Все, кроме Ангелины: она ела только овощи, фрукты, орехи. Веган от рождения. Чистое дитя. Такое переделывать, только портить. А Виктор пытался. Ему была непонятна дочь. По-своему он ее

любил, но не беззаветно, как Таня. Жену же господин Мазев не любил, но она была ему понятна. Вот и выходило, что только Марк был его отрадой. Поэтому поездку он организовал в первую очередь для него. И наслаждался временем, проведенным с любимым и понятным сыном.

В один из дней Ангелина притащила в дом огромную гусеницу с рогами. Она виделась ей прекрасной! Марк же брезгливо отбросил ее, а Виктор пнул, чтобы личинка вылетела за порог. Геля расплакалась, а мама как раз поехала на ближайший рынок за фруктами. Ее не было буквально двадцать минут, но когда она вернулась, то не нашла Гели. Муж с сыном отдыхали после занятий серфингом, она встряхнула Виктора и спросила, где дочь. Тот ответил:

– В бассейне, наверное. – И повернулся на бок, чтобы вернуться ко сну.

– Ее там нет!

– Значит, пошла прогуляться по саду и найти очередную уродливую гусеницу.

– Что произошло в мое отсутствие?

– Да ничего особенного, – проворчал муж. – Ангелина принесла какую-то пакость, мы ее выкинули.

Таня выбежала в сад. Теперь у нее появилось дурное предчувствие. Особенно после того, как увидела мертвую рогающую гусеницу. Татьяна обежала всю территорию, выкрикивая имя дочери. Виктор услышал ее голос и вскочил с кровати. Выглянув в открытое окно, обеспокоенно спросил:

– Нигде нет?

Таня отмахнулась и кинулась к калитке, через которую попадаешь сразу к океану. Она оказалась незапертой. Ее педантичные муж с сыном всегда задвигали щеколду.

– Таня, успокойся, не паникуй, – слышала она за спиной голос Виктора. – Ангелина просто вышла погулять за территорию...

И тут она увидела следы на песке. Отпечатки маленьких ножек. Они вели к океану. Геле нравилось играть с крабиками, но Таня ее одну никогда не отпускала. Волна бывала огромной, только зазеваешься, тебя уже сносит. И это взрослого человека, а ребенка десяти лет подавно...

– Неужто она пошла одна к океану? – это снова Витя.

– А ты, отец, на что? – заорала Таня. – Сопроводил бы... Или не пустил, ты же любишь ей что-то запрещать! Но ты уснул!

– Не кричи на меня...

– Да пошел ты!

Так Таня с мужем еще не разговаривала. Она всегда была сдержанна, уважительна... Но ее ребенок пропал!

Второй тоже выбежал. Обгоревший нос, проявившиеся на щеках веснушки, поджатые по привычке губы, но непривычное выражение глаз: в них паника. Марк, как и отец, хоть и не понимал сестру, но по-своему любил. Поэтому переживал за нее.

Всей семьей они искали Гелю, чьи следы вели до самой

кромки океана. Потом им в этом помогала местная полиция при помощи береговой охраны. Ангелину не нашли. Местный рыбак сказал, скорее всего, ее забрал океан и уже не отдаст.

Мазаевы вернулась в Москву. Виктор и Марк скорбели. А Таня грустила и скучала. Она не верила в то, что ее дочь погибла. Нет, только не она!

Когда муж захотел поставить дочери символический памятник, Таня впала в истерику. Пришлось вызывать доктора. Ей сделали успокаивающий укол и прописали антидепрессанты. Начав их пить, Татьяна впала в анабиоз. Она спала, иногда ела, рассматривала фотографии и семейные видеозаписи, рисунки Ангелины, ее платица, туфельки, начиная от самых крохотных. Таня забросила все обязанности по дому, а Марка перестала возить в школу и на секцию, потому что у нее кружилась голова. Наверное, она забывалась и принимала таблетки не по графику. Решила бросить, но состояние не изменилось.

– Дорогая, нам нужно поговорить, – спустя две недели после этого сказал ей Виктор.

– Слушаю тебя.

– Смирись уже с тем, что нашей дочери больше нет.

– Она жива!

– Если ты надеешься на это, ничего страшного. Но о нас не забывай. У тебя муж, сын...

– Которые улеглись спать сразу после того, как отобрали

у Гели ее питомца, а потом убили его?

– Таня, ты несправедлива к нам. Ангелина была уже взрослой девочкой, и ты сама отпускала ее одну погулять...

– К океану?

– Кто же знал, что она туда пойдет? Калитка была заперта. Как она вообще смогла дотянуться до щеколды? – Витя разошелся, начал повышать голос, но быстро взял себя в руки. – Трагедия подкосила всех нас. Я – взрослый, справлюсь, но подумай о Марке... Каково ему? Он потерял сестру, а мать перестала о нем заботиться.

– Марк прекрасно сам справляется уже несколько лет. Я не нужна ни тебе, ни ему. Или вас заботит то, что я перестала убирать, готовить, закупать ему книги, которые требуются, а тебе обновлять носки? Дайте мне отойти. Пожалуйста.

Конечно, Таня была не права. По отношению к сыну точно. Но она пыталась надеяться на то, что Ангелина до сих пор жива. Марк же, вместо того чтобы соглашаться с ней, ради того, чтобы порадовать, точно как отец, начинал убеждать в обратном. А ведь он ребенок! В нем, десятилетнем, должна была оставаться надежда на чудо...

Татьяна более или менее пришла в себя через два месяца. Стала что-то делать по дому, изъявила желание отвезти сына в школу, а мужу помочь подобрать костюм. А им уже не надо, они привыкли справляться сами. И помощница по хозяйству, оказывается, появилась. Не так уж сильно Мазаев не любит в доме чужаков!

Развестись предложил именно он. Сказал, что не видит смысла в дальнейших отношениях. Пока еще оба не старые, есть вероятность найти свои половинки. Виктор, надо отдать ему должное, не стал мелочиться. Он обеспечил Таню квартирой, отдал машину, позволил забрать из дома все, что она пожелает, и даже на опеке над сыном не настаивал. Он отпустил Марка с мамой, щедро платил алименты, был внимателен к обоим. Сын сам решил, что хочет жить с отцом. Тот был ему ближе. Таня возражать не стала, она хотела лучшего для Марка.

Что удивительно (или нет?), разъехавшись, мать и сын стали лучше ладить. Они с удовольствием проводили время вместе, болтали на разные темы, регулярно созванивались. Только одна была табу – смерть Анжелины. Таня так в нее и не поверила. В своей квартире она оборудовала детскую комнату, такую, что понравилась бы дочке. Она ждала ее возвращения!

...Благодаря финансовой помощи бывшего мужа Таня могла жить, не думая о хлебе насущном. Но к безделью она не привыкла, поэтому закончила курсы кулинаров и начала печь торты и пирожные на заказ. Зарабатывала немного, но получала от своего занятия удовольствие. А как нравились ее эклеры сыну!

Чтобы не разжиреть на выпечке собственного приготовления, записалась в спортзал. Занималась регулярно и с энтузиазмом. На заигрывания посетителей и инструкторов не ре-

агировала. Как-то, возвращаясь вечером из зала, почувствовала за собой слезку. Кто-то шел в отдалении и сверлил Таню взглядом. Именно его она почувствовала и обернулась. Увидела силуэт. Темные очертания фигуры (даже непонятно какой – на человеке была объемная куртка с капюшоном) и огонек сигареты. Кто-то из поклонников за ней идет? К ней многие в женихи набивались, но она всем отказывала, а этот решил довести ее до дома? Она специально выбрала фитнес-центр в пешей доступности, чтобы не ездить на машине, а топтать ножками – дополнительная нагрузка.

Таня прибавила шаг и решила для себя, что больше так поздно ходить заниматься не будет. И контингент другой, незнакомый, и при свете дня не так страшно возвращаться.

Так и делала неделю-полторы. Старалась часа в три зал посещать. А один раз утром дунула. Не спалось, и Таня решила в десять утра побегать на дорожке да поприседать. На сей раз из дома вышла и почувствовала взгляд. Начала озираться. Людей много, но все вне подозрений. Поежилась Таня и пошла в направлении спортклуба. Но на загривке волосы стояли дыбом.

Нет, это не отвергнутые поклонники, поняла она. Кто-то за ней следит! И не просто поглядывает... Таня ощущала опасность. Она не обладала даром своей дочери, но та все же пошла в кого-то чувствительностью. Точно не в отца. Таня просто не прислушивалась к себе ранее, но в тот момент осознала: ей грозит опасность. Все это не просто так. На нее

кто-то охотится! Но кто?

Первое, что пришло на ум – Виктор. Вспомнились фильмы, когда мужья заказывают своих бывших жен. Но они разошлись мирно. На нее ничего не записано из его ответственности. С нее взять нечего! А если он хочет лишить Таню денег, что до сих пор перечисляет, то пожалуйста. Ей будет трудно без поддержки, но она не пропадет.

Значит, не Витя. Тогда кто?

Недовольный клиент? Были у нее и такие. Одна мадам все требовала вернуть деньги за торт, потому что им якобы отравилась вся семья. Но такого не могло быть, поскольку Таня готовила из свежайших продуктов и все ингредиенты пробовала сама, и если бы ее лишь замутило, не отдала бы изделие заказчику. Другая приревновала ее к мужу. Он приехал забирать наборы пирожных, девушка-кондитер ему приглянулась, и он стал писать ей в соцсетях. Супруга об этом узнала и устроила на Тату охоту. Естественно, виртуальную. Та устала блокировать ее аккаунты и удалять пакостные комментарии. Такие бабы обычно этим и ограничиваются, но что, если ее муженек загулял, а она решила, что с Таней? Вот и следит! А ненавидит, потому что сама похожа на жабу, и на нее благоверный давно не смотрит, как на женщину.

И все же в это как-то слабо верилось. У истеричек не хватило бы терпения сидеть в засаде, они обязательно бы налетели на Тату если не в первый день, то во второй.

Оставался один вариант, самый ужасный: ее преследует

маньяк. Пусть не насильник или убийца, но человек с явными отклонениями в психике. Сейчас осень, у шизиков обострение. Что на уме у этого человека? Может, он мысленно ее расчленяет? Или, уже физически, ананирует, глядя на нее? Он планирует Таню похитить? Вломиться к ней? Сунуть в карман или сумку какую-нибудь пакость, типа дохлой крысы? Воображение чего только не рисовало...

Чтобы успокоить нервы, Таня стала принимать лекарство. Оно помогло сразу. Два дня она спокойно ходила, не ощущая никакой опасности. На третий отправилась в спортзал вечером, пусть и не поздним. Назанималась, напарилась, наплавалась. Пришла домой, чайку себе заварила, села телевизор смотреть. Но было как-то душно в комнате. Решила открыть форточку. Подошла к окну, взялась за ручку и замерла. Прямо под ее окнами стоял человек в мешковатой куртке с капюшоном и курил. Огонек сигареты был устремлен вверх: она жила на шестом.

Татьяна отпустила ручку. Нет, окон она открывать не будет. Еще и шторы задернет.

Когда портьеры сомкнулись, она бросилась к телефону. Нужно звонить в полицию!

Она уже набрала 112, когда замешкалась. А что она скажет оператору? Какой-то человек стоит под моими окнами? Но под ними еще пять этажей, и над ними – семь. Но даже если бы она в бараке жила, то это ничего бы не поменяло. Двор общий, гражданин, где хочет, там и останавливается,

чтобы покурить. Он же ничего дурного не делает, правильно? Может, он в этом же доме живет? Поэтому уже попался на глаза госпоже Мазаевой. А ее дурное предчувствие и опасения к делу не пришьешь. Если по вызову каждой истерички будут отправлять наряд, то настоящих преступников ловить будет некому.

Таня сунула телефон в карман халата и снова подошла к окну. Нужно хотя бы сфотографировать незнакомца. Для наглядности, что ли? Но его уже и след простыл. Это почему-то не успокоило, а наоборот – усугубило панику. Татьяна не знала, что делать. И посоветоваться не с кем! За годы брака она старых подруг растеряла, а новых не приобрела. Родителей, уже немолодых людей, она старалась лишний раз не беспокоить. Мужу звонить? Но Виктор решит, что у нее опять поехала крыша, и он, чего доброго, ее отведет к доктору, а сыну порекомендует пока с матерью не видеться.

Промчавшись в прихожую, Таня проверила, заперта ли дверь. Конечно, да. На все три замка. На площадке еще пять квартир, это успокаивает. В подъезде камеры, дом под охраной. Значит, тут можно не бояться. Вломиться к ней не смогут. При желании и возможностях можно, конечно, и крепость штурмом взять, но ее-то скромную двушку зачем? Однако оставаться в ней все равно нельзя. Надо бежать куда глаза глядят. Не сейчас, в ночи, а утром. Теперь нужно его дожидаться. А это легче сказать, чем сделать.

Татьяна пыталась спать (но получилось урывками), чи-

тать, смотреть кино, периодически переключаясь на камеры наблюдения... Она чистила унитаз и раковины. Жарила блины, но не ела их, потому что кусок не лез в горло. Когда занялся рассвет, собрала две сумки, маленькую, для документов и денег, и среднюю, с которой ходила в зал. Выпила кофе, съела через силу один блин, а остальные отправила в мусор, который собрала, чтобы выкинуть. В семь, когда ее соседка повела собаку на улицу, покинула квартиру. Все же с кем-то в лифт заходить спокойнее.

У подъезда Таня осмотрелась. Вроде никого подозрительного. И ощущения, что за тобой следят, нет. А нервный мандраж остался со вчерашнего дня. Плюс усталость и недомогание от недосыпа.

Вызвав такси через приложение, Таня отправилась в аэропорт Домодедово, чтобы улететь первым же рейсом куда-нибудь подальше от Москвы.

Спрятаться. Выдохнуть. И подумать...

Глава 2

Они сидели в ресторане на горе. С высоты открывался потрясающий вид на город, горы, а главное, море, по которому пересекали пиратские яхты. Таня решила для себя, что обязательно покатается на одной из них.

– Еще чаю? – спросил у нее Иван.

– С радостью выпью еще одну чашечку. – Они были маленькими, поэтому третья лишней не будет. – Турецкий чай стал для меня открытием. Вкуснее я не пила. Нужно домой купить.

– Тогда и специальный двойной чайник. Лист должен хорошо распариться, потомиться, чтобы раскрылся его вкус и аромат.

Иван много знал о Турции, потому что много раз бывал в ней. Ездил не на отдых, а по работе, и тесно общался с местными, гостил в их домах. Советовал Тане не судить обо всех по наглым торговцам и озабоченным отельным барменам, которые не пропускают ни одной юбки. Эти его самого коробили. Поэтому Иван квартиру снял не в туристическом, а в турецком квартале. И покупать собирался в таком же.

– Ты с таким интересом смотришь на пиратские яхты, – заметил он. – Хочешь покататься?

– Очень.

– Тогда давай, как спустимся с горы, так и поедем.

- А разве прогулки не дневные?
- Есть и вечерние. «Сансет» называются.
- То есть мы увидим закат?
- И поужинаем. Если захочешь, выпьем шампанского.
- А купание будет?
- Ты гольшом собираешься?..
- В сумке купальник, – улыбнулась она.

Таня рано встала. И, позавтракав, отправилась на шопинг. Нужно было что-то прикупить для смены. А еще платье. И босоножки. Когда она продралась через палатки с фейками, нашла несколько больших сетевых магазинов. Ранее она в таких не одевалась и не представляла даже, что есть футболки по 200 рублей. У нее столько люксовой и просто дорогой одежды скопилось с «брачных» времен, что она вообще себе ничего не покупала за последний год.

Вещи в магазинах, на которые она набрела, были, конечно, не самого лучшего качества, зато они без фальшивых логотипов и выбросить их не жалко после нескольких стирок. Если бы Таня, покидая Москву, знала, что встретит Ивана... Нет, даже не так! Если бы она могла допустить хотя бы мысль о знакомстве с женщиной, то взяла бы с собой что-то нарядное. Перед Шри-Ланкой по настоянию Виктора она купила массу вещей для жаркого климата. И среди них были потрясающие платья, юбки, топики. Но фирменные шмотки остались дома, и пришлось Тане помучиться, чтобы найти в «Вайкики» и «Коттоне» что-то эдакое. Но она смогла! Кроме

пляжной одежды приобрела миленький сарафан и плетеные босоножки, правда, из кожзама. И его, и их она надела на свидание с Ваней. А в новую сумку, без пальм и кричащих надписей, положила купальник, тунику и сланцы. На всякий случай.

Они допили чай, Иван расплатился. Он сегодня ел говядину, а Таня овощной салат с полюбившейся пресной лепешкой. Она перестала употреблять мясо и рыбу после того, как... Пропала ее дочь! Не умерла – пропала. Таня все еще не желала мириться с потерей. И верила в чудо...

Как завещала Ангелина.

– Что-то ты погрустнела, – услышала Таня голос Ивана.

– Нет, – встряхнулась та. – Я просто задумалась.

– О чем, если не секрет?

– Может ну его, этот «Сансет»? Пойдем просто искупаемся?

– Я бы с радостью, но плавок при мне нет.

Одет Иван сегодня был во все белое: футболку, шорты, кеды. Сумки нет. Телефон, ключи и деньги по карманам.

– А как бы ты с яхты нырял? Гольшом?

– Я не собирался купаться. Только любоваться тем, как это делаешь ты.

– Что нам мешает зайти в ближайшую лавку за плавками?

– Мое нежелание. – Она приостановилась и вопросительно на него посмотрела. – Для меня сейчас вода холодная. Я не хочу в нее нырять...

– Двадцать пять – холодная?

– Неделю назад была двадцать семь, я купался. А сейчас зябко.

– Какой ты неженка!

Иван раскатисто рассмеялся:

– Да я опять болтаю! Мне татуху набили позавчера. Пока нельзя мочить. А так я в Крещение в прорубь ныряю и ничего...

– И где татуха? – Те участки тела, что доступны взору, были чистыми.

– На плече. И сейчас, если что, под рубашкой заживляющий пластырь размером со школьную тетрадь.

– Что набил? – полюбопытствовала Таня.

– Картину Пикассо.

– Опять прикалываешься?

– На этот раз нет. Реально Пикассо. Моя любимая его картина. Били пять часов, но еще коррекция потребуется.

За этим разговором они дошли до фуникулера, заняли кабинку и начали спуск.

– Иди купайся, я подожду тебя в кафе, – предложил Иван, когда они достигли конечной точки.

– Мне одной не хочется...

– Тогда пошли в порт, возьмем билеты на «Сансет».

– Он далеко?

– Нет, минут пятнадцать идти. Но мы можем взять такси.

– Пешком, – мотнула головой Таня. По этому милому го-

родку хотелось прогуливаться, главное, следить за движением, никто из водителей не соблюдал правил.

И они потопали. Оказалось, до порта она совсем чуть-чуть не дошла утром.

– А это что за дяденька? – спросила Таня, указав на памятник, стоящий на площади.

– Мустафа Кемаль Ататюрк, самый почитаемый в Турции человек. Тут повсюду памятники ему, как в СССР Ленину.

Ей было все интересно. Таня много путешествовала, но мало знала о тех странах, где бывала. Виктор занимался организацией их отпусков, и главным для него было отдохнуть самому и развлечь детей. Поэтому они обычно летали в теплые края, а там, конечно, не только купались и загорали, но и катались на джипах, лодках, слонах, посещали парки аттракционов, дельфинарии, смотровые площадки. А Тане хотелось на скучные, по мнению мужа, экскурсии по храмам, развалинам. Да просто по базарам и блошиным рынкам. В них дух страны...

Но нет, ее интересы не учитывались! Она жена и мать и должна находиться с семьей, ни один из членов которой, даже Ангелина, не желает ползать по разрушенным еще в прошлом веке строениям.

Таня с Иваном вышли к порту. Некоторые яхты стояли на причале, другие причаливали под бодрую музыку. Пахло жареными каштанами и кукурузой – их продавали поодаль. А еще мидии, на вид неаппетитные. Но их покупали.

– Хочешь что-нибудь? – спросила Иван.

– Каштанов.

Он купил ей пакетик и пошел договариваться о морской прогулке. Таня уселась на лавку под раскидистой пальмой и принялась есть. Каштаны она полюбила, когда была беременной, и они с Витей отдыхали в Ницце. Там их на каждом шагу продавали. От них ее не тошнило, вот и грызла их постоянно, точно белочка.

Опустошив упаковку, Татьяна сыто выдохнула и в этот момент поняла, что наконец расслабилась. Ее перестали мучить страхи. Теперь ей думалось, что никто ее не преследовал, она себе это придумала. Ей ничего не угрожает, так что можно наслаждаться жизнью... Тем более в ней появился Иван.

Таня хоть и была в отношениях не опытна, понимала, что он может просто с ней играть. Увидел, понравилась, решил закрутить короткий курортный роман. Сейчас все красиво, но как только они переспят, он потеряет к ней интерес. Не совсем, но градус внимания снизится. Через неделю же (она забронировала отель на девять ночей) он проводит Таню до такси и с облегчением выдохнет. Все, можно искать новую женщину, благо их в курортном городе полным-полно.

– И пусть, – сказала себе она. – Неделя, но моя. Я возьму от нее все и вернусь в Москву. Главное, не влюбляться!

И тут Таня поняла, что врет самой себе. В главном врет... Она уже влюбилась! И если все будет развиваться по приду-

манному ею сценарию, она изведется. Как сильно, пока не осознавала. Все ее предыдущие любви были юношескими, невинными-наивными. В сознательном возрасте она один раз увлеклась. И сильно. Воспылала чувствами к педиатру, наблюдавшему близнецов с года до трех. Но Таня не могла себе позволить адюльтер, поэтому держала эмоции при себе, а в конечном итоге, дабы не поддаваться искушению, нашла другого врача. Сейчас же она в разводе, Иван тоже, и у них может получиться что-то серьезное.

– Танюша, пойдём. – Он подошел и протянул ей руку. – Яхта ждет нас.

– Здорово! И какая?

– Увы, не пиратская. Ни на одной сегодня нет вечерней прогулки. Я взял маленькую. Покатаемся на ней. А на «Черной жемчужине» в другой день.

Он вел ее за руку, и Таня млела. Рядом с Иваном она чувствовала себя Дюймовочкой, и это при ее ста семидесяти пяти. Виктор был ниже ее (хотя почему был?) и не отличался мощным телосложением. Он худо-бедно вынес ее, беременную, чуть располневшую, из загса. А Иван как пушинку бы поднял. Он выглядел как настоящий богатырь, высокий, мощный, с большими ручищами и ногой размера сорок седьмого. Не скажешь, что инженер. И как он такими огромными пальцами по кнопкам компьютера попадает? Может, у него какая-то эксклюзивная модель?

Они подошли к яхте среднего размера. Две палубы, плюс

трюм, в котором вполне комфортная каюта. Таня каталась на подобных с семьей.

Капитан пригласил их на борт. Уселись на второй палубе.

– Я хочу, чтобы ты кое-что обо мне узнал, – проговорила

Таня, пока яхту готовили к отплытию.

– Та-а-к... – Иван чуть напрягся. – Ты все еще замужем?

– Нет, – хмыкнула Таня. – Но мое откровение будет косвенно связано с развалившимся браком... Дело в том, что... – И замолчала, стесняясь продолжить.

– Муж все еще тебя любит и хочет вернуть? – попытался угадать Иван.

Она мотнула головой.

– У меня не было никаких отношений после развода, – выпалила-таки Таня. – В том числе несерьезных, типа, для здоровья. Более того, я ни на одно свидание не сходила за этот год.

– Даже кофе попить?

– Нет.

– Почему? – Она пожала плечами. – А почему ты с таким смущением об этом сообщаем? Я очень этому рад. Значит, ты не разменивалась и...

– И?

– Ждала меня!

Она решила, что он опять прикалывается, но Иван подсел к ней вплотную, обнял и тихо, но очень убедительно проговорил:

– Я из тех, кто, начиная отношения, надеется на счастливый конец. И под концом я подразумеваю: они умерли в один день, прожив долгую жизнь вместе.

– Только не говори, что тоже меня ждал...

– Врать не буду, связи были. Но не с теми, как я теперь понимаю. А как тебя увидел, озарило... – Он взял ее за подбородок и развернул лицом к себе. – Теперь моя очередь признаться: я не просто так оказался в том кафе. Понял, на какой пляж ты идешь, и отправился следом. Я видел, как ты плавала, как улыбалась закату. Но подходить не стал. Я сел в кафе и загадал: «Если это моя судьба, она зайдет сюда!» И ты вскоре появилась.

– Просто сюжет для мелодрамы, – пробормотала Таня, снова смутившись.

– Я романтичный идиот, каюсь.

– Романтичный инженер с внешностью богатыря... Да ты просто чудо природы!

– Так меня и называли в юности – Чудо-юдо. Я был огромным, нескладным, лохматым, очень застенчивым. Я прятался по углам, а когда неожиданно выходил, все пугались. Особенно девушки. Думал, умру девственником.

– Когда же ты преобразился?

– Я в глубине души все тот же. Но внешне начал меняться на втором курсе универа, когда занялся регби. Меня взяли в команду из-за габаритов, я в теории мог без труда снести несколько игроков. Но я же Чудо-юдо, прячущееся по углам,

какой из меня нападающий? Спасибо тренеру, смог меня наставить.

– Каким образом?

– Сказал, начнешь побеждать, все девки твои. А мне как раз тогда очень нравилась одна сокурсница. Для нее я и старался.

– И она стала твоей?

– Много позже. Через три года после окончания универа. И она вышла за меня. Но успех у остальных девочек я имел. И ребята начали уважать. Появилась уверенность в своих силах. Я в отличие от других спортсменов вуза стал даже лучше учиться.

Меж тем они уже отчалили. От разговора их отвлек капитан, предложил прохладительные напитки. Взяли по газировке и стали любоваться пейзажами. Днем сверху, сейчас с моря. С любого ракурса красиво.

– Купаться будешь? – спросил Иван.

– Обязательно.

– Тогда иди переодеваться.

Она спустилась в душевую, чтобы сделать это. Надев купальник, придирчиво посмотрела на себя в зеркало. Выглядит хорошо: занятия в зале даром не пропали. Правда, есть растяжки на теле, но она их не стеснялась. Нормально для рожавшей женщины иметь их.

Таня вернулась на палубу, с нее же и нырнула, яхта как раз пришвартовалась. Она плавала, а Иван наблюдал за ней

и улыбался. Его глаза прятались за темными стеклами очков, но она знала, что под ними сейчас собрались лучики морщинок. Белые, в отличие от загорелого лица. Ей нравились они...

– Русалка, выныривай! – крикнул Иван. – Я уже соскучился.

– Еще пять минуточек.

– Скоро закат, а тебе еще нужно ополоснуться и переодеться.

Она уже и сама видела, что солнце опускается к горизонту. Осень, темнело рано.

Таня сделала один кружок и взобралась на яхту. Пока она приводила себя в порядок, им накрыли стол (продукты привезли на моторке из ресторана в порту).

– Это для меня, – Иван указал на тарелку с креветками и кальмарами, – это для тебя, – салат и что-то похожее на блины с начинкой, – это для нас! – На столе в ведерке со льдом стояла бутылка шампанского.

Уселись. Чуть на расстоянии, но соприкоснувшись коленями. Иван открыл шампанское, разлил его, а тут и закат. Таня много их видела, все были прекрасными, но этот... Он показался особенным, ведь она вместе с Иваном наблюдала за тем, как солнышко тонет в глади моря.

Они выпили за «Сансет» и принялись за еду.

– Какая вкуснятина, что это? – набив рот «блинчиком», проговорила Таня.

– Гюзлиме со шпинатом. Тут еще с картошкой и сыром. Не думал, что тебе придется по вкусу эта крестьянская еда.

– Почему же?

– Ты привыкла к другому, так ведь?

– Я выросла в семье медсестры и водителя «Скорой помощи». В детстве для меня печенье с маслом было самым лучшим лакомством. А когда меня отвозили к деду в деревню, я пареную репу уплетала за обе щеки. Так что к крестьянской еде я привыкла.

– Но с мужем ты жила в достатке?

– Да, и в ресторанах вкушали изысканные яства. А дома по-простому питались: сырники, пюре с котлеткой, борщ, капуста тушенная или морковный пудинг для... – Она хотела сказать «для дочки», но остановилась. О ней рассказывать Ивану рано. – Для того чтобы организмы получали больше витаминов.

– У вас был повар?

– Все сама. Этими самыми ручками. – Она поиграла пальцами. Иван перехватил ее кисть, поцеловал ее и не отпустил.

Стемнело стремительно. И стало прохладно.

– Пора возвращаться, – сказал Иван и обнял ее, чтобы согреть.

– Да, пора. – Она вжалась в него, так не хотелось, чтоб этот день заканчивался.

– Если я приглашу тебя в гости, это не будет наглостью?

– Я с удовольствием посмотрю на твою квартиру в турец-

ком квартале.

– Она самая обычная, к тому же не моя, – хмыкнул Ваня. – И там легкий бардак, уж извини.

– Ничего.

Он что-то крикнул по-турецки капитану, и тут же заурчал мотор яхты.

Когда она тронулась с места, Иван легко приподнял Таню и усадил себе на колени. Их лица оказались на одном уровне. Губы близко-близко. Она понимала, что сейчас ее поцелуют. Она желала этого, но и страшилась. А вдруг не произойдет чуда, и бабочки, что сейчас порхают в ее животе, сложат крылья...

И вот его губы коснулись ее губ. Нежно, даже робко. Волоски его усов и бороды защекотали ей кожу. Это было непривычно. Тот, с кем Таня целовалась до этого, был всегда гладко выбрит. Что же касается юношеских любовей, то они могли похвастаться только пухом над губами. А тут борода! Ей почему-то казалось, что целоваться с мужчинами с растительностью на лице неприятно. Оказалось, ошибалась.

Губы Ивана стали более требовательными, но не наглыми. Бабочки в животе Тани не только не сложили крылья, а принялись махать ими более интенсивно. Они кружились в хороводе, а потом взмыли вверх, и произвольно... А еще неожиданно для самой себя... Таня застонала. Она ни разу в жизни не делала этого, целуясь. Это так ее смутило, что она отстранилась. Чтобы это не показалось странным, покрыла

поцелуями его шею. Теперь Иван не сдержался и... Нет, не застонал, а охнул.

– Быстрей бы на берег, – пробормотал он.

– Да...

– Надо остановиться.

– Надо. – А губы сами тянулись к его коже. Она была чуть солоноватой, все же весь день на жаре, но Тане было плевать на это.

К счастью, они причалили. Иван, дав чаевые капитану и матросу, взял Таню за руку и повел к дороге. Он ничего не говорил. Молчала и она. Они поймали первое такси, сели в него и поехали. Не целовались, чтобы не смущать водителя, но Иван гладил ее по ноге, а Таня теребила волосы на его затылке. На подъезде к дому встряли в пробку.

– Выйдем тут, – бросил таксисту Иван. Хоть он говорил по-турецки, Таня его поняла.

И, выбравшись из машины, они побежали. Дешевые туфли из дерматина пережимали ступни, но Тане было плевать на это. Она готова была в кровь их стереть, лишь бы поскорее оказаться с Иваном наедине. И вот они в подъезде. По ступенькам тоже бегом – лифт нужно ждать, он на пятом, а им на третий. Когда Иван отпер дверь, они ввалились в квартиру и тут же бросились в объятия друг другу.

Глава 3

Она выбралась из кровати и на цыпочках прошла в кухню. Смертельно хотелось пить. Есть тоже, но голод Таня терпела с легкостью. Светало, и она не стала включать лампочки, чтобы не тревожить Ивана.

Налив себе воды из кувшина, она жадно выпила стакан. Хотелось фруктов, но в холодильник за ними лезть Таня постеснялась (некрасиво без разрешения). Она знала, они там есть, ведь они перекусывали ими ночью. Иван приносил фрукты и напитки в постель. А в ванную относил Таню на руках. И мазал ее стертые до крови ступни мазью.

Таня глянула на них. Уже не так страшно выглядят и почти не болят. Она налила себе еще воды и выглянула в окно. За ним – горы. Третья линия от моря, настоящий Турецкий квартал. Она глянула на часы, пять утра, значит, скоро зазвучит азан.

– Ты чего встала? – услышала она голос за спиной.

– Захотела пить.

– В следующий раз буди меня, я принесу.

– Вань, я ж не инвалид.

– Но ножка у тебя болит. – Он подошел к ней и так сильно обнял, что косточки захрустели. – Прости, я не рассчитал силу. Это от переизбытка чувств...

Таню они тоже переполняли, но она сдерживалась. Если

б дала себе волю, затискала бы Ваню до смерти, а потом выдала: «Я не хочу с тобой больше разлучаться!»

Они за прошедшие часы несколько раз занимались любовью, и каждый акт был прекрасен. Даже первый, болезненный для женщины, что воздерживалась долгое время. Зато какой взрыв эмоций! Они даже до спальни не дошли, упали в гостиной на пол, покрытый искусственной шкурой. Потом Иван отнес ее в душ, они приняли его вместе, не переставая целоваться.

– Тебе же нельзя мочить татуировку, – вспомнила Таня, ощутив под своими ладонями пластырь.

– Начхать на нее.

Второй раз они занялись любовью в душе. Это было проблематично из-за габаритов Вани, но он так легко поднял Таню, что все получилось.

Уже в спальне они мазали друг друга лечебной мазью, он ее ноги, она его плечо. Татуировка оказалась странной.

– Что это за фигня? – спросила Таня, увидев какие-то непонятные черно-бело-синие фигуры на сером фоне.

– Картина Пикассо «Арлекин и женщина с ожерельем», – рассмеялся Ваня. – Шедевр, между прочим.

– Странно, что его с легкостью повторил татуировщик из обычного салона. И где же это выставляется?

– В Париже. В Центре культуры и искусства Жоржа Помпиду. На меня эта картина произвела колоссальное впечатление.

– А я Шишкина люблю. И Сезана. Твой мастер сможет набить мне «Утро в сосновом бору»?

– У тебя уже есть татуировка, хватит, пожалуй. Не скажешь, что подвигло тебя?..

– Как-нибудь в другой раз, – выпалила Таня. Тату тоже было связано с дочкой, даже сейчас говорить о ней – рано. Да и не к месту. – А теперь покорми меня чем-нибудь. Лучше фруктами.

– Этого добра навалом. Я на рынке вчера столько всего закупил.

Он притащил целое блюдо, на нем и виноград, и инжир, и персики, а еще экзотические драконий фрукт и папайя. Оказалось, в Алании выращивают и такое.

Наевшись, они легли спать. Но через какое-то время проснулись, чтобы еще раз заняться любовью. Уже на удобной кровати, размеренно, долго, с прелюдиями. О некоторых Таня узнала впервые – муж ее сексуально не просвещал. Не хотел раскрывать? Боялся, что загуляет? Или самому было неинтересно все это «баловство»? Таня не знала, они с Виктором почти не говорили по душам...

– Танюша, ты голодна? – спросил Иван, отлипнув наконец от нее.

– Есть такое.

– Чего желаешь?

– Фруктов.

– Ты ж моя райская птичка, – с умилением проговорил

он и достал фрукты из холодильника. – А я как пещерный человек хочу мяса! Тебя не смутит, если я буду готовить его при тебе? – Она покачала головой. – У меня гриль на балконе. Есть стейки, пойдем пожарим?

– Я – «за».

– И заварим чаю. – Он указал на плиту, на которой стоял двойной чайник. Один большой, второй, поменьше, сверху. Таня впервые такой видела. – Вот в нем он получается очень вкусным.

Они оделись и вышли на балкон. Таня с фруктами, Иван со стейками. До этого он организовал все для чаепития.

– Чем сегодня хотела бы заняться? – спросил он.

– Просто быть с тобой, – честно ответила она.

– Тогда ничего не планируем. А если ты захочешь гюзлеме, мы поедем их в ближайшей закусочной. Тут идти три минуты. Или лучше закажем доставку?

– Нет, нет мы спустимся. У меня же есть сланцы.

– А в закусочной – попугай. Говорящий!

– И много слов знает?

– Три. И все они русские. Первое «иди», второе – предлог «на», а третье неприлично вслух произносить.

– Турецкий попугай ругается нашим матом? – расхохоталась Таня.

– Я тоже обалдел, когда впервые туда зашел. Только порог преступаю, а меня тут же посылают. – Иван уже разогрел гриль и сыпал на стейки перец. – Приемный он, попугай. За-

летел в закусочную с перебитой лапой. Облезлый был, больной. Выходили. Когда Абдула (так его зовут) оклемался, начал что-то орать. Хозяева не понимают. А тут у нас в квартале туристов почти нет, поэтому не сразу въехали, что он матюгается.

Пока он это рассказывал, Таня поражалась, что есть такие легкие в общении мужчины. С Витей ей было сложно. Он грузил ее. Даже если они выбирались вдвоем на «романтическое» свидание в честь годовщины свадьбы, муж то о каких-то своих проблемах рассказывал, то обсуждал оценки детей, то мягко, но настойчиво указывал Тане на те ошибки, которые она допускает. Делая комплимент, муж не забывал добавить пожелание. Типа, тебе очень идет эта прическа, но в следующей раз не распускай волосы, они могут в тарелку упасть. Женщина, что живет с пьяницей, дебоширом, тунецем, сказала бы – тоже мне проблема! Деньги носит, детей любит, обо всех заботится, чего тебе еще надо, зажавшая ты дрянь? И была бы по-своему права. А Тане не хватало именно легкости в отношениях (о любви уже не мечтала). Витя был вечно напряженным. Контролировал и себя, и подчиненных, и членов семьи. В том числе мать. Она одна его вырастила, и он, разбогатеv, дал ей все, что можно купить за деньги, но только не свободу. Не позволил съехаться с женщиной, которого она выбрала, перебраться жить в другой город, сделать подтяжку. Виктор не тиранил, но сильно давил. И только Ангелина не поддавалась. Она ускользала из

его сжатого кулака. Поэтому у них были натянутые отношения...

– Ты опять погрустнела, – заметил Иван. Он был очень внимателен. А Таня... Она не могла не вспоминать о дочке. Да и не хотела, поэтому сделала татуировку в ее честь.

– Нет, я просто задумалась.

– О чем?

– О том, что вчера забыла позвонить сыну. – И это было правдой. – Он участвовал в научной выставке, а я даже не спросила, какое место занял.

– А говорила, не вундеркинд!

– Нет, он одаренный и старательный. Но без каких-то сверхспособностей. Твой чем увлекается?

– Рэпом. Как и все его приятели. Для них учеба – отстой. В том числе в музыкальной школе. Он ходил, бросил. Сейчас записывает с корешами какие-то треки... Я ни черта не понимаю, о чем они. Надо же поддерживать, я стараюсь, но...

– Это же прекрасно, когда твой ребенок творит.

– Если в свободное от занятий время, то ради бога. Ему скоро четырнадцать, надо думать о поступлении в вуз.

– Какой ты нудила, оказывается, – хохотнула Таня.

Иван поддержал ее смех.

– А еще так себе повар, стейки снимать пора, они горят.

Они поели. После выпили чаю. И пошли досыпать.

В обед выползли из дома, чтобы посетить закусочную с матерящимся попугаем. Думали сходить на море, но так не

хотелось удалиться от дома, где их ждала удобная кровать. И они поплавали в бассейне.

Вечером, когда уже стемнело, а все еще не появилось желание выходить в люди, они снова засели на балконе. На сей раз жарили овощи и сосиски.

– Поедем послезавтра в Бодрум? – предложил Иван. – Это не очень далеко, часов восемь езды. Я возьму напрокат машину, и мы с тобой с ветерком...

– Я с радостью.

– Очень красивый город на Эгейском море. Там сейчас не жарко, так что купаться будет не комфортно. Поэтому завтра я предлагаю тебе насладиться пляжем, а сам я кое-какими делами займусь. Все забросил, надо наверстать.

– На сколько дней поедем?

– Зачем загадывать?

– То есть мне с собой брать все?

– Да, – просто ответил он. – Задержимся на столько, насколько захотим, а потом либо вернемся, либо отправимся в Стамбул.

– Как же машина?

– Возьму ее в аренду у фирмы с филиалами во всех крупнейших городах.

– А если мы поедем не послезавтра, а дня через четыре? Хочу купаться вдоволь. – Ей вдруг показалось, что на нее давят, пусть и мягко.

– Ты погоду смотрела? Завтра последний солнечный день.

Потом дожди. А в Бодруме как раз солнечно.

И они договорились выехать послезавтра часиков в шесть утра. А эту ночь и утро провести вместе.

На следующий день, ближе к обеду, Иван проводил Таню до отеля. Она тут же оделась во все пляжное и помчалась на море. Вернулась к окончанию ужина, быстро перекусила тем, что осталось, немного развлеклась, посмотрев анимационную программу, выпила бокальчик вина и пошла собирать вещи. Завтра рано вставать!

И тут раздался телефонный звонок...

Глава 4

Он подъехал к отелю без десяти шесть, позвонил Тане.

– Аппарат абонента выключен, – услышал он.

Разрядился телефон? Скорее всего. Они разговаривали вчера в десять вечера, Татьяна сказала, что поужинала и направляется к себе в номер, чтобы собрать вещи. Через час Иван написал ей СМС, ласковое, но и интимное, она его не прочла. Уснула, решил он. И тоже стал укладываться. Знал, что так рано не уснет, но можно просто полежать, посмотреть что-нибудь интересное. По работе он все дела сделал, машину арендовал, сумку в дорогу собрал, что остается? Только ждать утра, чтобы снова увидеть Таню.

Он уже скучал по ней, но понимал, что им обоим нужно выспаться перед дальней дорогой. Впереди вся жизнь!

Иван вышел из машины, проследовал к ресепшену. За стойкой сидел сонный парень с телефоном и, судя по картинке на экране, рассматривал девушек в приложении знакомств. Оно было русским.

– Доброе утро, – поприветствовал его Ваня.

Тот кивнул.

– Тебя как зовут?

– Марат.

– Я Иван. Будь другом, позвони в номер 709. – Он видел ключи с брелоком, Таня их не сдавала, а таскала с собой. –

Мобильный у девушки, что живет в нем, разрядился.

Марат подвинул к себе допотопный кнопочный аппарат и ткнул в нужные клавиши.

– Не отвечает, – резюмировал он после тридцати секунд.

– Странно...

– Загуляла, бывает.

– Нет, мы должны в Бодрум ехать сейчас. Может, так крепко спит? – Парень пожал плечами. – Мы можем сходить, постучать?

Марат кисло посмотрел на Ивана. Тот достал двадцать долларов и незаметно ему передал. Парень сразу воодушевился.

– Ладно, пошли.

– Ключик универсальный на всякий случайхвати, – шепнул Иван.

Они поднялись на нужный этаж, подошли к двери. Стучали настойчиво, но им не открыли. Иван велел Марату отпирать. Тот так и сделал.

Они зашли в номер. В нем никого. Но постель примята, влажное полотенце на спинке стула, полно вещей, в том числе с бирками, и они сложены стопкой возле спортивной сумки. Очевидно, не влезли в нее. Однако ни документов, ни кошелек, ни планшета, ни телефона, зарядников тоже нет. Будто человек взял с собой только самое необходимое и сбежал второпях.

– Ты знаешь девушку, что занимает этот номер? – спросил

Иван.

– Я ночной портье, вижу только тех, кто с дискотек возвращается. Она тусовщица?

– Нет.

– Как выглядит?

– Высокая голубоглазая блондинка.

Мужчины вернулись к лифту, спустились на нем вниз.

– Постой-ка... – Марат призадумался. – Выходила одна такая поздним вечером.

– А точнее?

– Я заступаю в одиннадцать. Где-то через полчаса, может, сорок минут, она из лифта буквально вывалилась, сдала ключи...

– Сдала?

– Ну да. – Парень зашел за стойку и проверил ячейку под номером «709». В ней лежал знакомый Ивану ключ, самый обычный, не пластиковый, с брелоком, подключающим электричество в номере.

– Так что ж ты не проверил сразу? – Марат пожал плечами. Забыл, типа. – И куда девушка направилась?

– К воротам. Мне показалось, в машину села. Но я не уверен.

– Камеры есть?

– Да, но...

Иван достал пятьдесят долларов, положил их под рекламный буклет на стойке.

– Давай, посмотрим.

– Только встань чуть левее, заслони камеру в лобби. – Иван переместился. – Так, вот она. Я сейчас экран поверну, ты только быстро смотри. Твоя?

Да, это была Таня. В джинсах, толстовке, кроссовках, с небольшой сумкой на плече. Она перекинула ее через грудь, покидая здание. Оказавшись за воротами, стала озираться. К ней через несколько секунд подъехал неприметный седан. Вроде бы «Хендай», номеров не видно, а цвета в темноте не разобрать. Таня нырнула в салон, сев на переднее сиденье, и авто умчалось.

– Брат, да ты не расстраивайся так, – услышал он голос Марата. – Это курорт. Тут женщины берут от жизни все.

Таня променяла его на какого-то другого мужика? Как в такое поверить? Они же были чуть ли не единым целым...

Но факты! Против них не попрешь. Сбежала и даже не удосужилась написать ему что-то.

Иван собрался уйти, но, сделав несколько шагов к дверям, остановился, развернулся и попросил Марата дать ему распечатку Таниного паспорта. Тот заиграл бровями, забухтел, что не положено, видно, хотел еще денег выманить.

– Не наглей, – строго проговорил Иван.

Тот послушался. А потом еще одной милостью одарил:

– Ты свой номер оставь. Если она появится, наберу.

Кивнув, Ваня записал телефон на бланке отеля.

В Бодрум уже не хотелось. Он покатался по окрестностям,

чтобы развеяться, но это не помогло, и Иван вернулся домой.

Поспал, потому что поднялся рано и по будильнику. Поел. Сходил в супермаркет за виски. Выпил граммов двести, но, не получив должного эффекта, убрал бутылку в холодильник. Иван маялся. И все набирал Таню.

К вечеру он решил позвонить другу Мишке Хромченко. Тот работал в органах. Иван старался не злоупотреблять его помощью и обращался к майору МВД всего несколько раз, всегда по работе. Тот никогда не отказывал.

– Салют, Ванек! – радостно возопил Миша. – Вернулся, что ли?

– Нет, пока в Турции.

– И как там?

– Тепло.

– Что-то голос у тебя грустный.

– Мне, Мишаня, разбили сердце.

– Да ты что? И кто же?

– Татьяна Алексеевна Мазаева из Москвы. – И вкратце рассказал о произошедшем, естественно, избегая всех романтично-интимных подробностей. – Вот сижу, кумекаю, что это было? Поматросила и бросила или?..

– С ней что-то случилось?

– Она сама вышла из отеля, никто ее не уводил насильно, села в машину...

– Может, муж за ней приехал, и она решила к нему вернуться?

– Или она и не разводилась с ним, просто разъехалась?

– Поматросила тебя и бросила, получается. Прав ты, Ванек.

– Но Таня была такой искренней...

– У тебя ничего не пропало? – насторожился Мишаня.

– Вроде нет.

– Проверь. Мошенницы очень хорошие актрисы.

Иван обошел квартиру. Все на месте. Да и что брать у него? Компьютер, часы, браслет из платины? Вот и все, пожалуй. Налички немного. Все деньги на картах, но и они не пропали.

– В компе была какая-то важная информация? – не отставал друг. – Что, если эта твоя Таня промышленная шпионка?

– Мишань, я ничего нового не разрабатываю. И в ноутбук мой посторонний не залезет, там нужен отпечаток пальца, а рабочая почта запаролена.

– Значит, девушка просто развлекалась на отдыхе. Смирись.

– Ты не мог бы пробить ее? Чтобы я успокоился.

– Так задела тебя?

– Я тебе не просто так сказал: сердце разбила. Я уже жизнь с ней спланировал, тихую старость и так далее.

Друг присвистнул. Такого он от Ивана еще не слышал.

– Лады, наведу справки о твоей Татьяне. Но она мне уже не нравится.

– Это из-за имени. Ты его терпеть не можешь.

– Тут ты прав, – вздохнул Мишаня. Его первая супруга была Татьяной и столько крови выпила за восемь лет жизни, так оболгала и ободрала при разводе, что сейчас, когда у него теплые отношения с другой женщиной и есть общий ребенок, Михаил Хромченко не торопится вести новую подругу в загс.

Когда разговор был закончен, Ваня допил-таки виски. Оно уже шло лучше. А все потому, что появилась надежда... На что именно? Иван и сам не знал. Но хорошо уже то, что вскоре он узнает, врала ли ему Таня насчет развода.

Он смог уснуть, и разбудил его звонок от Мишани.

– Дрыхнешь? – спросил он.

– Уже нет. – Иван резко сел и принялся тереть глаза. Когда зрение сфокусировалось, увидел время: с момента предыдущего звонка прошло три часа. – Ты оперативно.

– Нет, это я затянул, были дела по службе. Сейчас же все в компах. Пару раз ткнешь в кнопки, и вот тебе результат. Короче, Татьяна твоя в разводе. Есть сын, находится под опекой отца.

– Она так и говорила.

– Странно это. Уж не отобрал ли он у нее сына? Виктор Мазаев – мужик богатый. Совладелец компании «Урал-Трейд». Он занимается добычей и транспортировкой руды. Представляешь себе масштабы доходов?

– По словам Татьяны, ребенок сам выбрал родителя.

– Конечно, с батей-миллионером жить слаще, чем с без-

работной мамкой.

– Она печет тортики на заказ.

– Это приносит почти такой же доход, как добыча руды, согласен, – с сарказмом проговорил Мишаня. – Ну да ладно, забыли. Все это к делу не относится. Про дочь Таьяна тебе рассказывала?

– Нет. А что у нее и дочь есть?

– Была. Пропала без вести на Шри-Ланке. Очевидно, утонула, но труп не найден, так что...

– Как звали девочку?

– Ангелиной.

И Ваня понял, почему у Тани татуировка с надписью «Всегда со мной мой Ангел». В честь дочки сделала.

– А теперь главное, – продолжил Мишаня. – На родину госпожа Мазаева не возвращалась. То есть границу Российской Федерации не пересекала.

– А Турецкой республики?

– Тут я тебе не помогу, друг. Не в моей компетенции.

– И на том спасибо.

– Вань, забудь ее. Нашла себе другого и уехала с ним.

– Оставив вещи? – Он сам понимал, это не аргумент. Она и в Турцию без них приехала.

– Но не забыв прихватить документы, кошелек и телефон. А номер сменила на турецкий. С ним удобнее, и ты докучать не будешь.

– Во всем прав. Я сам, когда куролесил после развода, и

на два фронта работал, и исчезал, и номера менял. Так было легче расстаться. Трусливо, но просто.

– И думал, что дамочки на это не способны? Еще как! Так что денек еще пострадай, а завтра выходи на новую охоту. Клин, как гласит народная мудрость, вышибается...

– Нет, я пас. Теперь celibat на несколько месяцев точно.

– Тогда займись делом. Ты же квартиру хотел покупать.

Езди, смотри.

– Завтра же этим займусь, – решительно проговорил Иван.

Друзья попрощались. Мишаня, скорее всего, отправился под бочок к своей гражданской жене, а Иван пошел бродить по городу, присаживаясь то в одном ресторанчике, то в другом, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями.

Глава 5

Он отправился в Стамбул. Выбрал при этом самый нестандартный для своего статуса способ – поездку на автобусе. Путь от Алании до Стамбула занимал четырнадцать часов. Дешево, но утомительно! Особенно мучительно так путешествовать человеку Ваниного роста. И все же он не пожалел о своем выборе. Крепко выпив перед отправлением, он уснул, пусть и в неудобной позе, а когда пробудился и глянул в окно, ему открылось дивное зрелище: горы, смешанный лес, похожий на тот, в который он ребенком за грибами с бабушкой ходил, и тонущие в дымке утра небоскребы. В сам город они прибыли только через полтора часа. Иван думал взять такси, а потом решил ехать в центр Старого города, как остальные, на метро...

Забавное приключение для человека, который не спускался в подземку уже лет восемь. Оказалось, ничего не изменилось. И стамбульское метро от московского мало чем отличается по функциональности. По красоте – безусловно. Ваня в молодости по кольцевой ездил, чтобы любоваться станциями. На каждой выходил и смотрел во все глаза на люстры, барельефы, статуи. В Стамбуле, конечно, такого не было. А где, собственно, было? Иван посетил много крупных городов мира, но ни в одном метро не было красивым.

Он заселился в отель возле Гранд-Базара. Хороший, до-

рогой. Из окна открывался вид на море. Ване он нравился. Как и кровать, невероятно удобная, а еще сладости, что подали в качестве комплимента гостю. Вот и все!

Он гулял по городу, пытался умиротвориться, глядя на прекрасные мечети. Не получалось! Город Ивану не нравился. И тут проблема была не в нем... То есть не в Стамбуле... В Иване! Когда ты в раздрае, мало что может тебя порадовать.

И все же Ваня посмотрел в Стамбуле пару квартир. Не на Султан Ахмете, а в престижном европейском квартале. Стильные, светлые, функциональные и совершенно безликие, они ни друг от друга не отличались, ни от тех, в которых Иван жил в других странах, будь то Эмираты, Сингапур, США. В Москве у него была похожая. Купил ее по настоянию своего финансового аналитика на стадии строительства. Пока дом возводился, жил на съемной хате. В ней все устарело, и ремонт, и мебель, и аксессуары. Стиль – шик девяностых. Все не просто дорого-богато, а помпезно, но чуть обтрепанно. На полах ковровлин, на стенах обои от Валентина Юдашкина (оказывается, он и над их дизайном работал), люстры все в висюльках и позолоте, а в гостиной огромный электрокамин с горгульями и грифонами. Все, кто приходил к Ивану в гости, хихикали. Предлагали снять продолжение «Жмурок» или «Бригады» в интерьерах квартиры. А ему они нравились своей самобытностью. Таких уже не осталось, в Москве точно, может, где-то в провинции. Иван даже

хотел выкупить хату и ничего в ней не менять, разве что отреставрировать некоторые вещи, но владелец числился пропавшим без вести, и его мать могла ее только сдавать.

Переехав в свои апартаменты, которые к моменту сдачи дома подорожали вдвое, Иван быстро обжился. Стильные, светлые, функциональные квартиры тем и хороши, что в них комфортно. Нет ничего лишнего, а любая вещь на своем месте. И все ж в Турции ему хотелось бы приобрести другую, с местным колоритом. И, теперь он точно знал, не в Стамбуле. Бежать из человеческого муравейника – Москвы, в тот, что в два раза больше (тридцать миллионов жителей по официальным данным), это не то, к чему Ваня стремился. Алания, пожалуй, то местечко, которое ему подходит. Тихо, спокойно, тепло. Там в эти дни народ купается, а в Стамбуле все в ветровках ходят.

Но вместо того чтобы вернуться в Аланию, он полетел в Москву. Зачем? Сам не понимал. Вдруг потянуло.

* * *

Вот уже два часа он сидел возле офисного здания, в котором два этажа занимала фирма «Урал-Трейд». Ждал, когда Мазаев выйдет. Пытался договориться с ним о встрече через секретаря, но неизменно получал отказ. Ни по рабочим, ни по личным вопросам Виктор Евгеньевич не принимал. Всем занимались его замы. Ивана это удивило. Не царь, не прези-

дент, даже не министр, более того, не генеральный директор, тот в Екатеринбурге заседал, а гонору на всех выше указанных хватило бы.

В интернете о Мазаеве было очень мало информации, но на сайте фирмы он нашел его фото. Распечатывать не стал, просто лицо запомнил.

Подземного гаража у здания не было. Все машины стояли на обычной парковке. Те, что принадлежали сотрудникам «Урал-Трейда», были помечены фирменными логотипами. Естественно, не всем повезло иметь свое место, зато у директора их было целых два. Как Иван понял это? Да очень просто. Черный «Эскалейт» и того же цвета «Майбах» стояли рядышком и имели одинаковые цифры номера «001». Личный автомобиль и служебный, понятно. И оба огромные. Совсем не под рост господина Мазаева. Для него в них детское кресло ставить нужно. Или хотя бы под попку подушку подкладывать.

Об этом Иван подумал, когда, собственно, увидел бывшего Тани воочию. Тот вышел из дверей здания с женщиной, скорее всего, своей помощницей. Та была среднего роста, но носила туфли на небольшом каблуке, и их макушки были вровень. Иван, которому малы были все стандартные размеры обуви, одежды, колец и даже машин, считал, пусть и с долей юмора, что всему виной заговор маленьких людей. Но если такой и существовал, то предводителем заговорщиков был Виктор Мазаев.

– Ты не объективен к нему, – одернул самого себя Ваня. – Потому что ревнуешь. Таня была с ним, рожала ему детей, а от тебя сбежала через несколько дней...

Закончив разговор с помощницей, Мазаев направился к «Эскалейту». Походка его была уверенной, лицо надменным. В молодости Виктор наверняка был привлекательным, но годы, а главное, непомерно раздувшееся эго, изменили его внешность не в лучшую сторону. Нижняя губа выпятилась, щеки опали. Их бы под бородой спрятать, но судя по куцей щетине, она не росла.

Ивану он индюка напомнил!

Или он опять к бывшему Тани придирался? Из ревности...

– Господин Мазаев, не могли бы вы уделить мне пару минут? – обратился к индюку Ваня, нагнав его.

– Нет, – коротко бросил он и разблокировал дверцу, чтобы скрыться в салоне.

Но Иван преградил ему путь.

– Я сейчас позову охрану, – не испугался великана Мазаев. Интересно, он был бы так же смел, окажись они в другом месте? Там, где нет охраны?

– Голосить будете, как перепуганный индюшонок? Валяйте, – не сдержался, за что тут же себя поругал. – Но не лучше ли со мной поговорить?

– Вы, собственно, кто?

– Мое имя вам ни о чем не скажет. А интересуется меня

ваша супруга.

– Я не женат, – процедил Мазаев.

– Бывшая, Татьяна. Как давно она с вами связывалась?

– Я с ней практически не общаюсь. Но сыну она звонит часто. Точнее, звонила. Вот уже пять дней Татьяна не связывалась с ним, а ее номер не доступен. Хороша мать, умотала в Турцию и о ребенке позабыла.

– Может, случилось что?

– Ой, да бросьте. Татьяна, не буду на нее наговаривать, была верной и преданной женой и не изменяла мне никогда. Но сейчас ей ничего не мешает крутить романы с горячими турецкими парнями. Думаю, пошла вразнос. С разведенками такое бывает. – Виктор смерил Ваню взглядом, для этого ему пришлось сильно задрать шею. – У вас ко мне все?

Тот кивнул и отошел.

Мазаев забрался в салон и тут же газанул.

Иван вернулся на лавочку, с которой следил за входом. Задумался. Уже второй человек высказывает версию загула Тани. И этот не незнакомец, а тот, кто прожил с ней больше десяти лет. И как бы он ни был Ивану неприятен, надо отметить, что Виктор дурного о ней ничего не сказал. Уничижительное «разведенка» не в счет. Сам Ваня тоже первое, о чем подумал, когда не застал Тани в номере, так о ее очередном или параллельном романе. Логика, топорная, мужская, это подсказывала. Но сердце с ней не соглашалось. Орган, к которому представители сильного пола обычно не прислуши-

ваются. Он – обманщик, чревовещатель, нытик, страдалец, и это все в одном...

В нагрудном кармане куртки заурчал телефон. Иван вздрогнул. Вдруг подумалось, что это сердце, уже разбитое, начало рассыпаться на кусочки.

– Схожу с ума, – пробормотал Иван и достал телефон. Номер определился турецкий. – Таня, ты? – выкрикнул он в трубку.

– Нет, это Марат, – ответили ему.

– Кто-кто? – Иван от разочарования перестал соображать.

– Администратор отеля «Маргарита Тауэр».

– А, да... Я ж тебе номер оставлял.

– Информация о гражданке Мазаевой все еще интересует?

– Да, конечно. Она вернулась в отель?

– Нет. Но хозяин круглосуточного магазина, что по соседству, может назвать номера машины, на которой девушка уехала.

Иван молчал. И долго, секунд десять. Все это время разум спорил с сердцем, а он им не мешал.

– Але, ты там?

– Да-да.

– Так что, интересно тебе это или нет?

– В одиннадцать вечера, говоришь, начинаешь работу?

– Ага.

– Завтра в это время я приду в «Маргариту Тауэр». Жди

меня.

И отключился.

Сердце не победило разум, оно уговорило его. Иван решил пойти до конца и найти Таню. Если она его бросила, пусть скажет об этом ему в лицо.

Часть вторая

Глава 1

Пакеты были очень тяжелыми. В каждом по десять кило. В одном пшено, в другом рис. Эти крупы Полине достались даром. В них завелись жучки, и их собирались выбросить, но она взяла. Ничего страшного, переберет, промоет и сварит кашу «Дружба» на пару сотен человек. Тем более у нее было сухое молоко, тоже просроченное, но всего на недельку.

– Поля, давай помогу! – услышала она знакомый голос. – Ты же надорвешься сейчас.

К ней, чуть прихрамывая, спешил сосед, Эммануил Андреевич. Он был уже в возрасте и не мог похвастаться богатырским здоровьем, а вот хорошими манерами – да. Полина познакомилась с ним несколько месяцев назад. Неблагодарные внуки отселили старика, чтобы он не мешал им. Да не купили ему квартиру, сняли. А сами остались в трешке в центре. Эммануил Андреевич, или, как все его называли, дядя Лу, не был на них в обиде за это. И со своей небольшой пенсии сам оплачивал коммуналку, а еще копил на подарок внуку, тому вот-вот стукнет двадцать. А внучке уже двадцать пять. Она художница, и ей необходима студия. В доме, из которого выжили деда, много света и пространства.

Дядя Лу показывал Поле работы внучки, она их хвалила, а про себя думала, так нарисует и двенадцатилетний.

– Опять бомжей кормить будешь? – спросил старик, взяв у нее один из пакетов.

– Кто-то должен.

– В наши времена за тунеядство статья была. Не приносишь пользу обществу, в тюрьму, там и покормят.

Полина промолчала. Спорить с дядей Лу бесполезно, он на все имел свое мнение и до конца его отстаивал. Можно сказать, с пеной у рта. Поэтому постоянно вступал в дебаты с бабками у подъезда, и они его не любили. Специально занимали всю лавочку, чтобы сосед не садился рядом. Приходилось дяде Лу отходить к дальней, у гаражей, а там шум, запахи выхлопных газов да сварки, и зачастую неприятные зрелища: то кто-то мочится, то по пьяному делу дерется (многие мужики туда побухать с друзьями ходили, а не машину починить).

– А твой-то Ханурик где? – задал еще один вопрос Эммуил Андреевич. Они как раз к подъезду подошли.

– На работе.

– Да ладно? Устроился наконец.

Хануриком он называл молодого человека Поли. Тот был маленьким, худеньким, а по мнению дяди Лу, еще и бесполезным. Типичное домашнее животное, заведенное для радости, но по факту приносящее лишь проблемы. То блохи у него, то глисты, то лишай, а еще он в тапки гадит.

Звали парня Поли Макаром. Имя внушительное. Фамилия тоже – Богатырев. Услышишь сочетание, представишь здоровяка на армейском «уазике», любителя охоты, рыбалки, баньки с веничком, который гнет сковородки, играючи валит деревья, разгоняет хулиганов одним своим грозным видом. Но ее Макар был не из таких.

Познакомились они в конце марта, но погода была не весенней. Стоял ужасный холод, дул ледяной ветер, сыпал снег, она бежала к метро, чтобы поскорее оказаться в помещении. Тут же стала отряхиваться, сбивать с ботинок снег. Сделав это, направилась к турникетам, как заметила охранника метро, что за шкирку тащил какого-то паренька на выход. Она не могла не отреагировать.

– Что вы творите? – вскричала она и бросилась на защиту бедолаги. – Разве так можно?

– Девушка, не лезьте, – процедил охранник.

– А вы не превышайте полномочий! Этот парень дебоширил? Или он пьян? – Она запаха алкоголя не чувствовала, да и хрупкий паренек не производил впечатления опасного типа.

– Трется тут уже два часа. Явно что-то замышляет. И документов у него нет.

– Это не повод хватать за шкирку.

Охранник, туповатый на вид, со свернутым конопатым носом, разжал кулак и переключился на Полину.

– Самая умная? – Он говорил «окая». Приехал из глухой

провинции, устроился на то место, которое давало хоть какую-то власть, и теперь самоутверждается. – А ну-ка свои документы предъяви.

– И не подумаю. Вы не полицейский, а простой охранник метрополитена.

– Ментов вызвать?

– Если вам больше заняться нечем...

Как оказалось, да. Охранник послал какой-то сигнал по рации, и вскоре к ним подошел усталый дяденька в форме.

– Что тут у нас? – спросил он.

– Подозрительные люди. Особенно этот. – И указал на паренька.

Точнее, на того, кто выглядел как подросток издали. Рассмотрев его, Поля поняла, что тому уж под тридцать. Просто он компактный и очень миловидный. Черты лица точеные, ресницы до бровей достают, кожа нежная, без щетины. А в темно-русых волосах седина пробивается. Она и выдает возраст.

– У меня рюкзак украли, – выпалил парень. – Там все, в том числе документы. Я Макар Сергеевич Богатырев из станции Славянской Краснодарского края.

– Когда это случилось?

– Сегодня, как приехал. В метро кто-то тиснул, и мне пришлось торчать в фойе, чтобы буран переждать.

– Буран? – Мент хмыкнул.

– Я с юга, у нас другая погода сейчас.

– Заявление писал?

– Нет, я не знал, куда пойти. А тут ваш цербер начал на меня гавкать.

– Ладно, пошли со мной, напишешь.

И он повел Макара за собой. Полина не могла его оставить, она привыкла помогать людям, поэтому устремилась следом.

– Вы, девушка, ему кто? – спросил полицейский.

– Я просто случайная прохожая, возмущенная несправедливостью.

– Не перевелись еще равнодушные люди в Белокаменной. При вас-то документы имеются?

– И паспорт, и СНИЛС, и даже страховой полис.

Полина родилась и выросла в Москве. Более того, она имела свою квартиру, пусть маленькую и не в лучшем районе. От бабушки досталась. С двадцати пяти она в ней проживала, это, считай, уже три года. Когда въезжала, думала, вот сделаю ремонт, уют создам, и как заживу... Но ни денег, ни времени не нашла на то, чтобы хоть что-то в квартире поменять, кроме занавесок, смесителя и постельного белья. Полина работала в детском саду воспитателем, потому что любила малышей. Знала, своих у нее никогда не будет. В двадцать четыре она перенесла страшную операцию, после которой пыталась отравиться. Поля не видела жизни без полноценной семьи с надежным мужем и детишками. Но когда ее откачали и она более-менее пришла в себя, к ней по-

дошла завождением. Женщина взрослая, суровая, державшая в узде весь коллектив. У нее даже санитары не выпивали. Она присела к больной на койку и сказала:

– Думаешь, ты одна такая несчастная, бесплодная? Я тоже.

– У вас же два сына, внуки...

– Да. Обоих пацанов взяла из детского дома и воспитала, как своих. Сейчас один реаниматолог, второй работает на радио. И у того, и у другого матери были пьяницами и наркоманками. Никто их не брал, а я не побоялась.

– Но я хочу своих.

– Они твоими и станут. Когда я прихожу к внучке на утренники, все говорят, она копия бабушка. А мы не кровные. Так что хватит жалеть себя. Начни...

– Жалеть других?

– Нет, сострадать. Это разные понятия.

Поля много думала над словами женщины и первое, что сделала, когда выписалась, это уволилась со своей высокооплачиваемой работы. Она была помощником руководителя у топ-менеджера крупной компании. Не по блату устроилась, а прошла жесткий отбор, чтобы только стажером стать. Через три месяца ее взяли в штат. Когда она принесла начальнику заявление об увольнении по собственному желанию, тот, мягко сказать, удивился. Пытался отговорить, сулил повышение зарплаты. Но Поля все для себя решила. Имея диплом психолога, она легко устроилась в детский сад (жела-

ющих работать за копейки было немного). Потом, когда переехала в бабушкину квартиру и вынуждена была поменять садик, стала воспитателем.

С волонтерами она контактировала давно. Их компания устраивала показательные акции, чтобы улучшить свой имидж. Этим занималась Полина. Уволившись, не бросила это дело. Более того, стала посвящать ему больше времени. Она всегда была доброй, неравнодушной. В детстве тащила в дом бездомных животных, а иногда людей. Как-то отец пришел с работы, а на их кухне сидит заросший волосами мужик в его старых вещах и наворачивает борщ. Он узнал в нем бомжа с ближайшей помойки, быстро выпроводил его, заставил дочку все помыть с хлоркой, а ванную, в которой гость бултыхался, аж трижды.

Папа строго-настрого запретил Поле впускать в дом посторонних. И она больше этого не делала. Долгие годы. Однако когда поняла, что Макару некуда податься, решила его приютить. Видно же, что нормальный парень, не бандит, не бродяга, просто невезучий. Поля накормила его, уложила в кухне на диван. Парень тут же отключился, изнервничался, устал. А Поля взяла в руки планшет и стала искать следы Макара Богатырева в Сети. Доброта не синоним наивности. Если б она поняла, что он врун, мошенник, тут же выгнала бы. Но ее новый знакомец не обманывал. В одной из сетей она нашла его профиль. В нем фото немного, но все с кубанским колоритом. Везде с друзьями. Ни на одном снимке нет

девушки. Значит, свободный.

Утром, когда оба проснулись, Поля спросила:

– Ты в Москву зачем приехал?

– На заработки, как и все.

– Уже знаешь, куда устроишься?

– Я монтажник-высотник, тут для меня полно работы. И предложения были от земляков. Но пока документы не найдутся, меня никто не возьмет.

– Надо новые делать.

– То есть мои сгинули?

– Скорее всего.

– А по моему паспорту микрозаймов никто не наберет? – перепугался Макар.

– Ты написал заявление о его утере в полицейском отделении. Если что, оспорим. – Она употребила множественное число. То есть уже тогда разделила с Макаром его проблемы. А по факту, взвалила на себя.

Поля бегала с ним по инстанциям, договаривалась, а еще давала кров, кормила. Она оформила на Макара сим-карту, отдала ему старый, но не древний, телефон. Ее удивляло то, что он не звонит родным.

– Ты сирота? – спросила она.

– Почему? Нет. Есть родители, братья-сестры. Просто я с ними не общаюсь.

– По какой причине?

– Я паршивая овца.

И закончил на этом.

Когда документы были готовы, Полина и Макар уже состояли в любовной связи. Они спали в одной кровати, вместе ходили по магазинам, готовили, убирали. В хозяйстве от сожителя был прок. Он и гвоздь мог вбить, и борща наварить, и за тремя котами туалеты помыть. Но от волонтерства Макар отказался сразу. Категорически! А бездомные вызывали у него презрение. Что странно, ведь он мог оказаться среди них, если бы Полина ему не помогла. Пусть не на всю жизнь, но не несколько дней! И он не отказался бы от тарелки каши, горячего чая, теплых варежек...

– Нет, ты не права, – вставал в позу Макар, когда она пыталась его переубедить. – Я подачек не принимаю. Только помощь, и то не от всех. Будь на твоём месте другой человек, я бы дал себя вышвырнуть в буран.

– Чем же я отличаюсь от остальных?

– Всем. Ты даже не лучик... Ты солнышко. Таких больше нет. – И принимался целовать её круглое и некрасивое лицо.

Да, Поле с внешностью не повезло, она уродилась дурнушкой! Поэтому сама удивлялась тому, что её взяли работать в крутой офис. Мелкие черты лица, толстые щеки при общей худобе, волосы цвета сена. Они оставались такими даже после покраски в салоне. Её природный пигмент доминировал над немецкими профессиональными средствами. Два-три раза голову помоешь, и вот он – осенний стог.

К Поле нужно было привыкнуть, чтобы увидеть её внут-

ренную красоту. Поэтому в нее никто не влюблялся с первого взгляда. Макар не исключение. Он три недели спал в кухне, прежде чем поцеловал ее. Богатырев не робел, просто не видел до этого в Поле женщину.

Получив документы, он стал искать работу. Нужна была высокооплачиваемая (не для того в столицу ехал, чтобы получать как дома). Но конкуренция оказалась огромной, и у остальных уже имелись свои клиенты, а также оборудование. Поля находила Макару шашки. Ими он не брезговал. Пару-тройку раз в месяц выходил на работу. Все, что ему платили, отдавал Полине. Но это были не деньги, а просто слезы.

Дядя Лу не одобрял ее выбора. О чем говорил в лицо, как привык. Они жили на одной лестничной клетке и периодически встречались. Эммануил Андреевич как будто ждал, когда Поля выйдет, чтобы с ней пообщаться. А с кем еще? Другие соседи его на дух не переносили. Внуки не навещали. А он к ним ездил часто. Возвращался либо сердитым, либо расстроенным, и даже с Полиной не хотел беседовать. Закрывался у себя на день-два.

– Куда твой Ханурик устроился? – спросил дядя Лу, когда они зашли в лифт.

– В крупную клининговую компанию.

– Уборщицей?

– Мойщиком окон в небоскребах.

– Тю...

– Фирма обслуживает «Москва-Сити».

– И что?

– Вы просто не в курсе, но там очень крутые офисы и квартиры, услуги клининга стоят огромных денег, и работники отлично получают.

– Ладно, поглядим, сколько он тебе принесет.

– Вы все равно не узнаете, я вам не скажу.

– Милая моя, я хромой и вижу плохо, но слух у меня, как у орла. Я иногда слышу ваши разговоры, и знаю, что ты мечтаешь о новом телевизоре. Чтоб с этим... как его?

– Вай-фаем?

– Ага. И если твой Ханурик тебя любит, он с первой же зарплаты купит тебе его.

– Это дорого!

– В кредит. У него ж теперь постоянная работа. Только чуется мое сердце, быстренько он ее бросит. А тебе что-нибудь наврет...

– Да что вы к Макару придираетесь? – вспыхнула она.

– Не нравится он мне, а ты очень. Поумнеть бы тебе еще... – Они вышли из лифта, дядя Лу поставил пакет на коврик у двери Полины. – Не обижайся на меня, ладно? Я все это не со зла говорю. Просто смотрю на тебя и думаю, вот мне бы такую внучку...

Голос его чуть дрогнул. Поле показалось, что и глаза увлажнились. Она хотела сказать дяде Лу как минимум, что не обижается, но он развернулся, быстро доковылял до своей двери и скрылся за ней.

Полина тоже зашла в квартиру.

Сегодня у нее был выходной. Но отдыхать некогда, нужно перебрать крупы (а до этого сбегать за ними в магазин – там Полю знали и звонили, если что-то появлялось из некондиции), замочить сухофрукты для компота, потом поехать на старой газели модели «Соболь» в столовую, на кухню которой их пускают, там приготовить вместе с товарищами полноценный ужин на толпу бездомных, накормить ее, прибрать после мусор, а по возвращении домой еще и Макару ужин приготовить. Он наверняка вернется усталым, продрогшим, голодным, конечно же, и ее обязанность его порадовать. Она почти его жена. Если не будет щей или жареной картошки на сале, его любимой, Макар слова не скажет, сварит себе пельмени, но наверняка подумает: для бомжей первое, второе и компот, а для любимого полуфабрикаты.

И Поля, засучив рукава, принялась, как в народе говорится, шуршать. Крупа, сухофрукты, тут еще и мясо надо разморозить, а потом бульон сварить, чтобы вечером в него накидать овощей и картошки и накормить Макара щами. Салат крошить дело трех минут. Можно еще испечь быструю ватрушку.

– Интересно, купит он мне телевизор? – не покидала подброшенная дядей Лу мысль.

Она давно бы приобрела его сама, если бы не Макар. Она умела даже со своей скромной зарплаты откладывать по две-три тысячи. Десять месяцев, и вот он – телевизор. Пусть

не самый большой и современный, да еще мало уважаемой некоторыми фирмы. Но она обращала внимание на бренды, только когда работала в корпорации. Ей приходилось покупать айфоны, айпады, одежду и сумки с логотипами. Поля никому не говорила, что все это она берет на «Авито». Кто-то надел костюм два раза и больше не может в нем появиться на людях, а она запросто. А телефоны с выходом новой модели резко падали в цене. Их можно было и в магазине приобрести.

В дверь позвонили. Поля бросилась открывать.

На пороге стоял дядя Лу. В его руках большой пакет замороженной клюквы. Кило на три.

– Возьми, сваришь как-нибудь своим бомжам морс, – сказал он и, сунув пакет ей в руку, удалился.

– Спасибо, – крикнула Полина вслед.

Старик только отмахнулся.

Хороший он в глубине души, только несчастный.

Глава 2

В душевой было много народу. Их, мужиков, человек пятнадцать, в соседней, женской, еще полдюжины. Все они закончили работу и теперь приводили себя в порядок перед тем, как пойти домой. Макар был в легком шоке. Он четыре года работал монтажником на высоте, утеплял, укреплял здания, чинил карнизы, обслуживал офисные кондиционеры, но с ним и его коллегами никто не нянчился. А тут... Просто лакшери курорт! Одежду, обмундирование выдают, плюс рации, чтобы связываться друг с другом, а еще воду, снеки для перекуса. Через пять часов полноценный обед с горячим. Потом еще столько же нужно проработать, и все! Водные процедуры тоже входят в двенадцатичасовой рабочий день. График два через два. Зарплата как две Полиных. И это стартовая. Наберешься опыта, станешь быстрее мыть окна, она повысится. А сумеешь выделиться и занять место бригадира, будешь деньги мешками таскать. Два требования к работникам: не халтурить и не воровать.

Самое удивительное, что Макар нашел эту работу по объявлению. Точнее, рекламному буклету. Вынул его из почтового ящика. Прочитал, заинтересовался, позвонил. Позвали на собеседование. Оказалось, он подходящий кандидат: опыт работ на высоте очень приветствовался.

За сегодня он, конечно, устал, но не до изнеможения. А

после душа вообще чувствовал себя бодро.

– Макарыч, как тебе первый день? – обратился к нему парень по кличке Дробовик.

Когда-то он случайно выстрелил из этого оружия себе в ногу, но это ранение спасло его от скоропалительной женитьбы на первой давшей ему девчонке. Пока в больнице лежал, невеста загуляла, и Дробовик от своего намерения отказался. Потом узнал, что на ней пробы негде ставить, и набил на руке изображение своего спасителя. Эту историю он рассказал Макару, когда они работали – Дробовик был его куратором.

– Мне все понравилось, – ответил ему Богатырев.

– Да, у нас тут все условия созданы для рабочего класса. Поэтому каждый за место держится.

– Чье я тогда занял?

– Девчонка одна в декрет ушла. Прикинь, через стекло умудрилась очаровать одного мужика из офиса. Сейчас живет как принцесса...

– На Рублевке?

– Ты сказки-то не сочиняй. Такие истории из кино. Ее муж просто обеспеченный человек, не олигарх. Но для девушки с окраины Кагалыма и начальник отдела крупной столичной фирмы – принц. – Дробовик, болтая, одевался. Сделал он это быстро. После чего выпалил: – Как насчет того, чтобы по пивку?

– Я не пью.

– Совсем? – Макар кивнул. – Я, если что, угощаю.

– Спасибо, но я домой. До завтра.

Макар на самом деле не употреблял алкоголя даже по праздникам. Не курил и не сквернословил.

Он родился в семье истовых баптистов. Мама и папа поженились молодыми, когда оба учились на втором курсе института. Оба были комсомольцами и атеистами. Через два года у них родился первенец, за ним следом второй ребенок появился. Отец худо-бедно окончил институт, а мама погрязла в пеленках-распашонках. Жили бедно, но не впроголодь. Государство молодой семье помогало, немного родители. Думали Богатыревы, что как дети чуть подрастут, заживут лучше: отца продвинут по службе, мама работу найдет. Но грянули девяностые со всеми вытекающими. Ни дотаций, ни зарплат, выплачиваемых вовремя. Богатыревы, как и многие, начали тонуть в нищете. А тут еще третья беременность.

Тогда-то их и отыскивали баптисты. В те времена много проповедников с Запада в Россию ринулось. Они были лучезарны, вежливы, убедительны и очень настойчивы. Приглашали на службы, книги раздавали, а иногда помощь гуманитарную. На нее они Богатыревых и поймали. Когда овощи с огорода закончились, на мясо денег нет, а тебе приносят тушенку и «Анкл Бенс», поневоле начнешь людям доверять. И стали родители ходить на собрания. Детей с собой брали. И тот, что в животике, напитывался словом божьим. Жаль, родился больным и вскоре умер. Но родителям сказали, это

испытание для избранных Господом.

Мать потом родила еще Макара. Первым его воспоминанием была проповедь какого-то гастролирующего по стране американского пастора. Он был чернокожим, очень крикливым и музыкальным. Привез с собой двух помощниц с божественными голосами. Они пели после каждой проповеди, и это было здорово. Но проповедник врывался и начинал то визжать, то сипеть, то басить. Мог упасть на пол и хохотать. Макара он до дрожи пугал. Мальчик не спал ночами, да еще и писался.

...Богатыреву было тяжело вспоминать о прошлом. И до сих пор ему в кошмарах снился чернокожий проповедник. Но в принципе жизнь его сложилась нормально. Получив аттестат, он уехал из дома, отучился на слесаря-ремонтника, отслужил в армии, поработал в Краснодаре, переехал в Москву и встретил замечательную девушку. О своем прошлом он Поле не рассказывал – стыдился. Не себя, родителей. По сути, они были побирушками. Отец был в состоянии найти более денежную работу или хотя бы шабашку, мать могла куда-то устроиться, вместо того чтобы торчать в церкви все свободное время. Они рожали детей, но о них, по сути, не думали. Не считались с их мнениями и желаниями. Отбирали игрушки, развратных Барби и агрессивных роботов, книги, более или менее модную одежду. Старшему брату не позволили на бокс записаться, а сестре на танцы (будет вилять задницей в короткой юбке, грех-то какой). Как потом

Макар понял, то была секта при церкви, потому что другие баптисты жили иначе. Или это пастор постепенно сходил с ума, утягивая за собой главную помощницу?

Макар терпеть не мог побирušек, бомжей, просветителей и агитаторов. Будь его воля, всех бы отправил на каторгу, чтоб в шахтах и каменоломнях работали и приносили пользу обществу. Мнение свое он оставлял при себе. Знал, оно Полине не понравится. Да и не имел он права в текущей ситуации на других вякать. Сам жил за счет женщины. Пусть временно, но...

В Москву Макар не на заработки поехал. Ему хватало тех денег, что он имел в Краснодаре. Он хотел найти в столице человека, который мог сделать его богатым. Конкретного! Но его сначала обманули, потом обокрали, вот и пришлось на работу устраиваться. Благо подвернулась такая замечательная.

...Зазвонил телефон. Полина!

– Алло.

– Привет, милый. Как ты?

– Нормально. Работу закончил, иду к метро.

– Устал, замерз, проголодался? Я щи варю. И буду печь ватрушку.

И как сказать, что не особо устал, не сильно замерз, а есть пока не хочется вообще?

– Как здорово! Но ты же сама весь день на ногах, ограничься супом.

– Она ленивая, быстро готовится. Завтра с собой возьмешь на работу.

– Поль, нас кормят.

– Дрянью какой-нибудь...

На самом деле привозили отличную иду из кафе домашней кухни, но Макар об этом умолчал. Поля – спасатель по жизни. С теми же документами он бы и сам разобрался. Но она хотела водить его за ручку по инстанциям. Макар не возражал. И соглашался на те шабашки, что она ему находила. Ее дурили, работа стоила вдвое дороже, но он выполнял ее и не роптал. Деньги отдавал Поле и умилялся тому, как она радуется двум-трем тысячам. Если все получится, он найдет нужного человека, разбогатеет, то купит ей... Хоспис! Смертельно больным людям и он не прочь помогать. Как и усыновлять детей. У них с Полей их будет не меньше пяти. Они так счастливо заживут, что о них документальный фильм снимут...

Нужно только подождать.

Глава 3

Салат был нарезан, его только заправить, щи настаивались, ватрушка запекалась. Поля все успела.

В ожидании Макара уселась на диван в кухне, дала кошкам себя окружить, и на миг закрыла глаза. Уснула тут же. Не глубоко, но все же из сознательного состояния вышла. И приснился ей бывший. Тот, кто ее сердце раздробил в мелкую крошку.

Они вместе учились в старших классах, и звали его Адонисом. Грек, чьи родители появились на свет и выросли в Крыму, потом переехали на историческую родину, но вернулись назад. Родной Судак показался им не перспективным, и они перебрались в Москву. Адонис Стафилокакис пополнил ряды их девятого «Б». Новичков пятнадцатилетние школьники встречают не ласково. Всем дают обидные клички. Парню с фамилией Стафилокакис грозило погоняло Кака. Но для всех он стал Дони, то есть одноклассники сократили не фамилию, а имя. Причиной тому стало невероятное обаяние новичка. Он умел, не подлизываясь, вызывать симпатию и парней и девочек. Не блеща спортивными талантами или знаниями, Дони к десятому классу стал самым популярным парнем в школе. А он даже не был красавцем. Глаза цвета моря, это да, кудри черные, а в остальном обычный пацан. Среднего роста и комплекции, носатый, на

зубах брекеты. Из талантов – умение петь и играть на всем, даже пластиковых стаканчиках, но лучше всего получалось на фортепиано.

Первой он обаял Полю. Она одна находилась в классе во время перемены, перечитывала свой доклад, и тут зашел он.

– Калимера.

– А?

– Доброе утро по-гречески. – И широко улыбнулся. Тогда он был без брекетов. Зубы кривые, но белоснежные, крепкие. Пружинки волос спадают на глаза, он сдувает их, и очень озорно выглядит.

– Доброе. Ты кто?

– Учиться буду в вашем классе.

– Ты Адонис? Классная нам говорила, что сегодня придет новенький. Но сейчас уже третий урок.

– Да, опоздал.

– Проспал?

– Не, шел в школу мимо пруда, а там уточки и лебедь. Залип. Скормил им весь свой обед. Очень птиц люблю. У меня три канарейки живут. Как-нибудь я тебе их покажу.

Поля зарделась. Ее, считай, в гости пригласили. И кто? Парень! Мальчишки из класса на нее внимания не обращали. Бывало, шли на контакт, чтоб списать дала, но она отказывала в отместку за невнимание. У всех других были поклонники. Даже у жирной Танюхи. Из ее юбки Поля могла бы себе платье сшить, однако она никому не нравилась, а бе-

гемотиха приглянулась Армену Хачиняну. В его семье все женщины были полными, и он в тощих красоты не видел. К слову, они поженились в девятнадцать.

Ждать приглашения в гости пришлось долго. Почти полгода. Но Поля все же попала домой к Адонису, правда, в числе других ребят. Он обзавелся друзьями и позвал их на свой день рождения. Но и Полю! До этого она только к девочкам ходила.

В доме Стафилокакисов было все по-особенному. И обстановка, и пища, и танцевали они под греческую музыку. А что касается канареек, то их стало больше. Они сидели в двух клетках и пели так заливисто, что хотелось слушать их, а не сиртаки.

Домой Поля вернулась в полном восторге. Не столько от праздника, сколько от Дони. Он оказался еще более потрясающим, чем ей представлялся. Как он любил маму, как был ласков с сестренкой! Полина всегда хотела семью, мечтала о ней с малых лет, поэтому играла исключительно в дочки-матери, и решила для себя, что именно Дони станет ее мужем.

Парень об этом не догадывался, более того, знать не знал о чувствах Поли. Думал, они просто друзья, а пацаны ее вообще не интересуют. Девочка решила поступить в престижный вуз на бюджет и только об учебе и думает. Но мысли о науке романтическим не мешали. Поля умудрялась и отлично учиться, и фантазировать об их с Дони будущем. В нем был и дом с садом, увешанным клетками с канарейка-

ми, и дети, как минимум трое, и путешествия огромной семьей, где и прабабушки все еще живы, в Грецию. Там у них тоже вилла. На берегу Адриатики. Именно там они встретят старость. Под оливковыми деревьями, под звуки сиртаки. А умрут, естественно, в один день, когда все внуки уже вырастут.

На выпускной Дони пригласил именно ее, Полину. Из жалости. Никто другой не захотел, а у него было слишком много поклонниц, и не хотелось никого обижать. Полина тогда на крыльях летала, а как тщательно готовилась! Платье на заказ сшила, чтобы как у принцессы Дианы, волосы подстригла и несколько прядей осветлила, веснушки растреклятые отбелила, и они из-под тональника не пробивались. Выглядела Поля в день выпускного сногшибательно, и даже самой себе нравилась. Дони тоже оценил ее образ, но все равно вечер закончил в объятиях другой... Молодой учительницей биологии! Она была всего на пять лет старше выпускников, и по ней сохли все одноклассники Полины. Но досталась биологичка Дони.

Он женился на ней через год. По залету. А в двадцать один развелся. Биологичка поняла, что не желает жить с незрелым студентом, полностью зависящим от своей семьи (финансово в первую очередь), и уехала в Екатеринбург с новым хахалем. Он и взрослый, и деньги хорошие зарабатывает.

Поля обо всем этом узнала на встрече выпускников. Пять лет прошло с тех пор, как они окончили школу, и кто-то ре-

шил по этому поводу организовать тусовку. Явились не все, но многие. В том числе Дони. Он не изменился почти, все те же глаза цвета моря, кудри, спадающие на них, мальчишеская фигура, обаяние, льющееся через край. А Поля похорошела. Красоткой не стала, где уж ей, но научилась корректировать при помощи макияжа лицо, ее стрижка стала модной, одежда стильной. Все отметили это. И два одноклассника оказали знаки внимания. Но Поле нужен был только Адонис.

Он пошел провожать ее после встречи. И они до утра болтали, сидя на лавке с кофе из ближайшего автомата. У Дони жизнь рушилась. Развод, увольнение, конфликт с отцом. Он не любил плакаться, но ей о проблемах рассказал. И она, естественно, вознамерилась ему помочь. Спустя неделю Адониса Стафилокакиса пригласили на собеседование в компанию, где трудилась Поля. Она замолвила за него словечко.

Дони взяли в отдел продаж, и там у него все получилось. От стажера до главного менеджера он поднялся за год. Половину из этого срока он являлся парнем Поли. Они сошлись не так романтично, как она фантазировала. Проснулись после очередного корпоратива в одной постели, потом решили вместе снять квартиру, потому что с родителями жить оба устали. Расходы на аренду разделили. Обязанности тоже. Она готовила, потому что ей это нравилось, он мыл посуду. Поля убирала, Дони выносил мусор. В ресторане платил тот,

у кого были на карте деньги. Они завели собаку и ворона.
Обоих подобрали на улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.